

Непрерывное восхождение

*Письма П.Ф.Беликова
к Г.В.Маховой
(1934–1936)*

Павел Федорович Беликов (1911-1982) – глубокий мыслитель, серьезный исследователь жизни и творчества великого русского художника Н.К.Рериха и его семьи, автор художественной биографии «Рерих» (М., 1972. «ЖЗЛ») и многочисленных публикаций по рериховской тематике. После себя он оставил огромное эпистолярное наследие, которое практически неизвестно широкому кругу читателей.

Вашему вниманию предоставляется переписка П.Ф.Беликова с будущей женой Г.В.Маховой, ярко показывающая процесс формирования мировоззрения молодого философа.

НЕПРЕРЫВНОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ

П.Ф.Беликов – Г.В.Маховой

18 ноября 1934 г. Tallinn

Здравствуйте, Галя. <...> Вы пишете: быть наблюдателем – мало счастья. Спорный вопрос! Поставим его таким образом: скажите, кто счастливее, актер ли, который создает свою роль на сцене и поэтому не может охватить целиком всей пьесы, или зритель, который видит пьесу целиком, получает полное впечатление и делает те или иные выводы о сути, в пьесе заключенной? «Мы живем всего лишь один раз», – совершенно правильно, Галя, но как правильнее использовать этот «один раз»? Посвятить ли его наблюдениям, изучать ли то окружающее, в которое мы не по воле своей впихнуты, стараться ли вникнуть в смысл понятий, чувств и дел человечества, разыгрывающего грандиозную, интересную пьесу, или «радоваться дню своему и делать дело свое», дело, до которого нам после смерти не будет никакого дела и которое потомству нашему нужно будет, возможно, не больше, чем облаку штаны? Я лично отвечу на этот вопрос так: как театру, так и жизни необходимы и актеры, и зрители. Актер не будет играть при пустом зале, зритель не будет смотреть на пустую сцену. Нечего будет смотреть человеку, если все человечество превратится в наблюдателей, но, поверьте, Галя, – ни один человек узора нового не выдумает, если не найдется наблюдателей для [этого] узора и славы [для] создателя сего узора. Так устроена жизнь. Конечно, можно совместить в себе и дело, и наблюдение, но их нельзя совместить равномерно, что-нибудь одно будет больше увлекать и интересовать. Либо делом надо жертвовать для наблюдения, либо наблюдением для дела. Я жертвую делом, но высоко ценю жертвующих наблюдением. Я аплодирую хорошим актерам и, признаюсь, люблю освистывать плохих. Меня не тянет на сцену, потому что меня не волнуют ни аплодисменты, ни свистки. Рок повелел мне родиться под звездой наблюдателя и в очень малой доле снабдил меня чувством честолюбия, дабы я не удрал из-под этой нареченной мне звезды. А звезда сия оказалась довольно нелепого размера, довольно бестолково для жизни приспособленной, но она моя, я ее люблю, она делает мне интересную жизнь, мне ничего не остается делать, как быть ею довольным. Только она вряд ли довольна мною. Слишком часто я достаю ее с неба и купаю в грязных лужах земли. Но как я не ропщу на нее, так и она должна молчать. Знала ведь, на что шла, когда с человеком связывалась.

Что же интересного дала мне эта звезда за 23 года моего земного существования? Должен ее поблагодарить – кое-что дала. Она привела меня к интересному выводу, к очень редкостной в человечестве истине. Точка зрения, с которой я наблюдаю и понимаю жизнь, так редка в истории философии, что я ее никак не мог найти при довольно тщательном изучении последней и поставил ее сам. Год тому назад я написал на чистом листе бумаги: «Путь парадокса – путь истины», – и стал искать подтверждения этому исходному пункту. И подтверждения с такой силой хлынули на него,

что мне осталось только поскорее зачеркнуть свое имя под этой выведенной мною истиной. Эта истина была в самые давние времена и есть сейчас, на нее только очень мало обращают внимания, в нее надо поверить, и тогда найти [ее] можно во всяком месте; если же до нее не догадаться самому, то найти довольно затруднительно, потому что, повторяю, философия умудряется эту истину обходить стороною, и человечество или не хочет, или боится ее видеть. Если хотите, Галя, я познакомлю Вас с этой точкой зрения. Не потому, конечно, чтобы убеждать Вас в ней. Нет. В нее можно так же спокойно верить, как и не верить, но думаю, что Вам будет интересно посмотреть на мир так, как, уверен, Вы никогда не смотрели, потому что это истина перевертывает мир вверх ногами до известной степени. Чисто философски объяснил эту истину эллинский философ Гераклит, живший до Р[ождества] Хр[истова]. Сейчас ею оперирует Мережковский. Много данных для доказательств я беру у того и другого, но ставлю перед собой другие цели. [В] отношении Гераклита задача сводится просто к тому, чтобы слова, произнесенные 2500 лет тому назад, звучали живыми и сегодня. С Мережковским же дело обстоит сложнее. Мне приходится брать те же данные, что взяты им, потому что только эти данные подтверждают истину, в которой я вполне с ним схожусь, но там, где он этими данными произносит обвинения, я оправдываю, где он опровергает, я подтверждаю, где он сыпет проклятиями, я раздражаюсь смехом. Чтобы ознакомить Вас досконально с затронутым мною вопросом, я облеку в форму, приемлемую для чтения, мои записи и пошлю это оформление Вам на прочтение. <...>

20 января 1935 г. Tallinn

«Люди обмануты в познании видимого подобно Гомеру, а ведь он был всех эллинов мудрее» (Гераклит). <...>

Теперь же поговорим, Галя, о видимом и невидимом. Вы писали в прошлом письме о философии религии, указывая, что отложили в сторону Толстого, так и не доставайте его больше. Толстой – великий писатель земли Русской, гениальный романист, но никуда не годный философ, и тем более в религиозном вопросе. Но я очень рад, что Вас интересуют эта тема, и постараюсь сейчас ознакомить Вас с ней. Во-первых, надо ее разбить сразу на две части. Первая часть – та философия религии, где гораздо легче доказывать, что черное есть белое, а белое – черное, чем наоборот. Такими доказательствами, к сожалению, заполнена вообще вся философия на 80% минимум. Нельзя сказать, что эти доказательства не нужны. Нет, приходится признаться, что они очень и очень даже нужны, без них невозможно сейчас человеческое общество, слишком много невежества в людях, такого невежества, что они белое за белое не считают, и обвинять их в этом нельзя, так же как нельзя обвинять глухого за то, что он пренебрежительно относится к музыке. Обман необходим, этот обман можно назвать святым обманом иногда. Нужно учиться искренне чувствовать; если легче учиться на обмане, пусть учатся на обмане. Сперва надо кончать начальную школу, потом гимназию, потом университет, если же начать сразу с университета, то получится вред, а не польза. Все религии на земном шаре в их массовом

(широком) значении – начальная школа, Толстой для нас прекрасный учитель религии. Почти все богословские факультеты земных университетов – не поднялись выше уровня гимназий. Их продукт – теософия, а теософия – надгробный памятник как для религии, так и для философии, но она также необходима, она также приносит пользу, если она учит искренности, воспитывает жажду знания в человеке. И начальную школу, и гимназию философии религии я изучил более-менее подробно и сейчас изучаю, так как нельзя никогда забывать таблицы умножения, хотя ты и кончил начальное ученье. Знание не должно ничего выбрасывать, а [должно] все совмещать и всегда оперировать всеми своими накоплениями. <...>

Дело в том, что если у Вас есть желание ознакомиться с той религиозной философией, которую я Вам сейчас предложу, то я введу Вас в нее понемногу. Я сам еще маленький ученик в ней, мне бесконечно много надо учиться, так много, что я не постигну того, что мною для себя намечено, за всю свою жизнь. Но это меня несколько не запугивает и не отталкивает. В одной из своих работ, с которой я Вас потом ознакомлю, у меня написано: «Кто знает, что лучше – обладание ли возможным или стремление к невозможному?». Для себя я выбрал последнее, если Вы сделаете такой же выбор, я помогу Вам выбраться на эту дорогу к невозможному, а невозможного не следует пугаться, рано или поздно оно станет возможным, но только по-другому, чем мы его себе представляем.

Теперь же приступим к самому вопросу. Предупреждаю только – не смущайтесь некоторыми словами, которые могут вызвать недоумение или даже просто улыбку. Ведь слова есть только символы, символы же не всегда удачны, к тому же у одного понятия бывает всегда много символов; смотря по тому, с какой точки зрения на данное понятие смотреть, употребляется подобающий символ-слово. Я привык смотреть со всех точек зрения или, вернее, без всяких точек зрения и поэтому, мало придавая значения символам-словам, употребляю их, по простоте душевной, зачастую в таких комбинациях, что они кажутся чушью.

Вы, вероятно, слышали имя художника – Рерих. Это большой художник, ученый и философ; если Вы мало о нем знаете, я напишу Вам и пошлю репродукции с его картин. Так вот, Рерих сказал: «Бога надо доказать наукой, лабораторным путем»¹. И это не просто красивая фраза, а принцип той работы, которая уже ведется. В Нью-Йорке есть Музей имени Рериха, при нем имеются научные лаборатории, где ведут работу лучшие ученые мира. По всему свету разбросаны общества имени Рериха, которые поддерживают между собою тесную связь. Сам Рерих живет сейчас в Азии, в Гималаях, там находится его Институт².

Но наука и лаборатории, в которых хотят доказать Бога, безусловно, не та наука, которая признала за математикой, техникой, физиологией последнее слово, для этой науки Бог остается Богом, Создателем миров, субстанцией мира, и эта наука не вчера возникла, она была в древней Индии, Египте, Вавилоне, последние получили свои знания из еще более древних культур, о которых потом я Вам буду писать. Вы, наверное, слышали о погибшем острове-материке Атлантиде? Я много интересных данных приведу как-

нибудь Вам об истинности его существования, данных, признанных современной геологией.

Метод же, который я применю для введения Вас в эту научно-религиозную философию, должен быть следующим: я буду давать Вам самые разнообразные факты, которые первое время будут Вас, может быть, просто сбивать, но это, Галя, необходимо, у Вас должно возникать как можно больше вопросов, так как готовой системой последовательного ознакомления, в конце концов, ничего нельзя добиться, человек должен до всего доходить сам, иначе никакого положительного результата не будет. Не пугайтесь хаоса вопросов, постепенно хаос сам организуется в порядок, и тогда можно приступить к суммированию своих знаний и делать выводы. И все придет постепенно само по себе, если есть сильное желание знать. В индийских священных книгах записано: «Если захочешь учиться, Учитель придет!» И поверьте, что это правда, я испытал ее сам на себе. Сейчас я имею возможность получать сведения почти [из] первых рук, меня знакомят с письмами самого Рериха, а он только с 2-3 лицами в Эстонии переписывается³. Я расскажу об одном опыте, который производится в его лабораториях, этот опыт увенчался успехом, но из него рано еще делать какие-либо выводы, и поэтому широкой огласки он не получил. Это закон физики, с которым не сталкивалась наша наука, но который знали в древности. Доказано, что человеческое тело от сильно напряженной, сконцентрированной мысли – теряет в своем весе, т.е. становится значительно легче. Было известно, что некоторые тибетские посвященные могли подниматься в воздух, объясняли это раньше силами дьявольскими, потом либо обманом зрения видевших, [либо] просто никак не объясняли.

Знаете ли Вы, откуда произошли написанные на иконах светлые сияния вокруг голов святых? Эти сияния не выдуманы фантазией художников. Если провести сухой гребенкой в волосах, то получается треск, в темноте можно заметить искры. Но то, что мы умеем делать гребенкой, можно делать без ее помощи, а исключительно силою той же мысли.

На многие загадочные явления современная наука отвечает одним словом – электричество. Но что такое есть в сущности электричество – это Вам ни один ученый не объяснит, отделается тем, что это, мол, разряд каких-то противоположных (+ и -) сил, но какие это силы – не знает никто. Между тем как этими силами наполнены воздух и все предметы вокруг нас, и слепо ими пользуются и ученые, и оккультисты.

Между прочим, скажу Вам, Галя, несколько слов об оккультизме. Конечно, на 50%, если не больше, оккультизм или спиритизм – шарлатанство. Но есть и истинный оккультизм, только он в 1000 раз хуже шарлатанства. Посредством силы, заключенной в нас, мы можем вызывать духов (если испугались этого слова, скажу другое – флюидов – это научный термин). Вот слова одного знаменитого в свое время петроградского оккультиста; когда его спросили, каких хулиганов он вызывает, что они стучат, опрокидывают стулья, бьют посуду и творят вообще всякие неподобающие вещи, то он ответил: «Сволочей я вызываю, и сволочи ко мне являются, та мразь и дрянь, которая на сажень от земли подняться не может, а вызвать истинные

силы спирит не в состоянии, они слишком высоко над землей, и мы над ними власти не имеем».

Теперь поговорим немного о религии. Есть ли Бог? Есть, несомненно, но мы не знаем Его и не можем Его знать покамест. Как же человек догадался, что Бог есть? История этого не помнит. Мы можем дойти только до Атлантиды – в Атлантиде религия была, но Атлантида еще не есть начало. У меня есть сведения, но определенных данных еще нет, мне нужно их доставать, о том, что до Атлантиды был еще один материк, назывался он Лемур[ия]. То, что пишут наши истории о языческих религиях, – вздор по большей части. Были, конечно, язычники тоже, и сейчас они есть, но, насколько заглянула наша история в древние века, мы всегда находим где-нибудь культуру и религию Единого Бога. Потом я Вас познакомлю с религиями Индии, Вавилона, Египта, Крита и других древних культур. Вы знаете, что у нас, христиан, есть Троица. Но дело в том, что это не только у нас. Библейская Троица самая молодая по возрасту. Троица в Боге была всегда. Христианское ее значение неправильно. Троица есть – Отец, Мать и Сын, а не Отец, Сын и Дух. Христианское толкование Троицы произошло от следующей ошибки: на древнееврейском языке Дух называется – Rauch, и это имя женского рода, в переводе на греческий имя это получило средний род. Раньше было Rauch – Дух – Она, в христианстве же вышло – Оно. Эту ошибочную Троицу канонизировали первые Вселенские Соборы⁴, так она и осталась. Это грубая ошибка, она имеет громадное значение. Как я говорил уже, слова – наши символы. Если смотреть с научной точки зрения на Троицу, то это будет то же неизвестное нам электричество, плюс и минус образуют разряд. Древний философ Гераклит учил: принцип мироздания и жизни – молния. Гераклит был посвященным в египетские мистерии, египтяне же лучше нас знали мир.<...>

Какое значение имеют для нас священные книги? <...> Громадное, надо только уметь их читать и знать, что там осталось от древности и сколько нелепостей нагромоздило в них время. Рерих и его помощники занимаются их «чисткой». Лучше всего сохранились древние письмена в Индии в браминской религии, религия эта имеет за собой 7000 лет. Правильно поставленное изучение всех религий приводит к синтезу. Все религии, как Христианство, Буддизм, Магометанство, [учение] Конфуция и др., можно привести к одной религии, причем от этого совмещения нам ничего не надо из отдельной религии выбрасывать, все религии на земном шаре истинны. «Все дороги тебя приведут ко Мне», – записано в браминских книгах, и как-нибудь позже я ознакомлю Вас с этим синтезом религий. Бог есть, и вера в Бога нужна, она всегда была, есть и будет. К Богу надо подходить без кощунства, но и без суеверия. И суеверия не должно быть не только [в отношении] к религии, но и к нашей механической науке. Понятие Бога с понятием истинной науки – совмещаются. «Бога надо доказать научно, лабораторным путем», и это будет сделано. Это даже уже сделано, но далеко не для всех. Сотни тысяч лет, может быть, пройдет, когда это будет достоянием всех, но сейчас все не в состоянии вместить такого понятия. Наши ученые «безбожники» не должны смущать, они просто безграмотны в

религии, не умеют читать, но это им не мешает быть учеными людьми. Я говорил, что Толстой был только в начальной школе религии, но между тем он велик. Ученые же, по моей классификации, дошкольники, мудрые в одном, они невежды в религии, потому что они отдали себя на служение своим узким, специальным убеждениям, а от таких нужно отказаться, подходя к религии. На эту тему мы потом еще поговорим, я был бы рад, если бы Вы, Галя, указали бы мне на какой-нибудь чисто научный закон или явление, которые, по Вашему мнению, невозможно совместить с религией, и я Вам покажу тогда, как просто такие вопросы разрешаются.

Теперь скажем несколько слов о христианстве, оно Вам больше знакомо и больше Вас сперва заинтересует. Истинно ли Христос – Сын Божий, как его называет наша церковь? Да – истинно, но и Кришна, и Будда, и Конфуций, и Магомет тоже Сыны Божии. Если спросите – сколько же их тогда? – я отвечу Вам словами самого Христа: «Блаженны изгнанные правды ради, ибо Сынами Божьими нарекутся»⁵. Евангелие – истинная книга для христианства в теперешнем его состоянии, но теперешнее-то состояние христианства далеко не истинно. Христианства еще не было на земле, были лишь отдельные христиане, да и тех до Христа было больше, чем после Него. Не все, чему учил Христос, записано в наших 4-х Евангелиях, да и то, что записано, здорово, и очень здорово, перепутано. Послания Христа имелись в Египте, сейчас имеются у магометан, у арамейцев, у буддистов, все они чтут Христа великим пророком, но в своем широком масштабе они так же запутаны, как и у нас. У христианства тоже было сперва много Евангелий, но Вселенские Соборы канонизировали только 4, притом считались не с истинностью того или иного Евангелия при выборе, а главным образом с политическим и экономическим положением того времени. Отчасти тогда иначе нельзя было и делать, и такой шаг принес тоже свою пользу. Жаль лишь то, что все непризнанные Евангелия беспощадно уничтожались и теперь трудно достать их, они дошли до нас или в отдельных клочках записей, или почти устно, некоторые искренние ревнители церкви собирали и записывали их в IV, V веке, когда эти сказания были еще свежи, они носят название «agraphon», или «незаписанное слово Божие»; у меня есть отдельные фразы этих «незаписанных слов», но эти «agraphon'ы», с которыми я знаком, только – египетские и европейские. В Индии имеется полное Евангелие от Христа, когда-нибудь я достану оттуда отрывки также. В Европе их почти нет, они имеются только у отдельных лиц и, конечно, в рукописях, но опубликованы не были, как и большинство индийских тайных или истинных учений. Те лица, которые имеют их, не опубликовывают этих учений, потому что в широком масштабе они принесут не пользу, а вред.

Я расскажу Вам когда-нибудь о первых веках христианства, сколько сект тогда было, многие секты были более истинные, чем церковь в теперешнем ее состоянии, но они принесли много зла и вреда, потому что «каждый да вместит по возможности своей»⁶. Я Вам сейчас приведу один agraphon, он опубликован, но мало известен, и вряд [ли] Вы когда-нибудь слышали что-либо о нем и вряд [ли] что-либо из него сейчас поймете. Этот agraphon из

«Послания Египтянам». «Спросила же Его Саломея, когда приидет Царствие Твое? И ответил Иисус: когда два будет одно и мужское будет женским, и не будет ни мужского ни женского»⁷. Если Вы не знакомы со старинными религиями и мистериями, то ничего в этих словах-символах не поймете. Этот agraphon опубликован Мережковским, он истолковывает его по-своему, но я писал Вам когда-то, что перевертываю Мережковского наоборот, и это необходимо делать. Мережковский - большой писатель, от него многому можно научиться, но он еще больше, чем писатель, – мистик. А мистика – дурная вещь. Мистика – опьянение. Мистик не может «доказать Бога научно», он спит, видит сны и бредит, а попробуй-ка разберись в этом бреде – чего он только там не накает.

В этой философии религии, с которой Вы, если захотите, будете знакомиться, не должно быть ни кощунственных, ни спиритических, ни суеверных подходов. Бога нужно узнавать во всем, без всяких наркотиков.

У Вас может возникнуть вопрос – я говорил о Христе, о том, что Он истинный Сын Божий, но мы знаем из Евангелий, что Он творил чудеса, чудо же наукой отвергается. Да, Галя, «чудеса» Он творил, но только для тех глупцов, которые, узнав, что земля круглая, первые же от Христа отказались. Если же смотреть прямо на вещи, то никаких «чудес» нет, или тогда уж, вернее сказать, – все есть чудо, все законы и силы Природы – чудо, но мы не умеем ими пользоваться, Христос же умел. Сила человеческой мысли – очень много может сделать. В нас сконцентрированы чудовищно сильные возможности, но флюиды нашей силы, наше «электричество», пропадают даром.

Теперь приведу Вам под конец красивую индийскую молитву (браминскую). Это молитва Великой Матери, или Духу по христианскому понятию. Прочтите, сколько красоты в этих словах. Христиане редко умеют так молиться.

Если я прав, Матерь, Ты все:
 Кольцо и путь, тьма и свет, и пустота,
 Голод и печаль, и бедность и боль.
 От зари до тьмы, от ночи до утра, и жизнь и смерть.
 Если смерть бывает – Все есть Ты.
 Если Ты все это, тогда и голод, и бедность, и богатство
 Только переходящие знаки Твои.
 Я не страдаю, я не восхищаюсь,
 Потому что Ты – все, и я, конечно, Твой.
 Если Ты все это показываешь смертным,
 То проведи, Матерь, меня через Твой свет
 К Нему – к Великой Истине.
 Великая Истина нам явлена только в Тебе.
 И затем свергни куда хочешь мое бренное тело
 Или окружи его золотом богатства.
 Я это не буду чувствовать.
 Ибо с Твоим светом я познаю сущее,

Ибо Ты есть Сущее – а я Твой.
Значит, я в Истине!8

Может быть, сейчас, кроме красоты, Вы ничего не увидели в этих словах, но со временем Вы можете понять весь их глубокий смысл.

Начнем теперь подводить к концу сегодняшнее письмо. Вы немного удивлены им? Я писал Вам один раз о Египте, о египетской религии, но вообще религиозно-философских тем не затрагивал, а в этих темах я бываю очень серьезен, так что характер сегодняшнего письма сильно, вероятно, разнится от тех, когда я говорю просто о философии. Но у меня, Галя, так уж рассудок создан, что он может вмещать самые разноречивые понятия, нисколько не путаясь в них. Свое мировоззрение я строю на религиозной философии, и я искренне верю в нее. Но я учусь у общей философии, т[рени]руюсь в способности мыслить со всех сторон, способен всю ночь просидеть перед чернильницей, и [все для того], чтобы доказать, будто чернила белые, а молоко черное, это моя болезнь и мой метод познания. Приведу Вам пример.

«Человек думает, что в природе не было бы никакого смысла, если бы он не был бессмертен». Действительно, Галя, как Вы думаете, вот я говорил Вам о Боге (о бессмертии, правда, не говорил, но оно всегда так или иначе подразумевается, если признать существование Бога), может быть, вся моя говорливость покоится как раз на этом самомнении. Не понравилась мне жизнь, и коротка она, и скучна, солнечных-то дней в этой жизни пересчитать по пальцам можно. Силы же, знания, воли, чтобы отвоевать место в жизни по своему аппетиту, у меня не хватает. Вот и влачусь я, похрамывая на обе ноги, по задворкам прекрасной планеты сей, засмотрю звездочку в небе и замечтаюсь. Мечтаю я это себе и рассуждаю таким образом: зачем мне даны глаза – чтобы видеть мир, зачем даны чувства – чтобы чувствовать его, зачем дан ум – чтобы понимать немного его. Недаром все это есть у меня, меня должно ждать что-нибудь после смерти. Ухвачусь я за эту зацепку и пойду плести о всяких загробных жизнях, а природа делает свою механическую работу, превращает меня в прах, обогащу я соли земли своим гниением, и кончатся этим мои обязанности по отношению к природе и обязанности природы по отношению ко мне. Кто мне сказал, что для меня, для моего проблематичного бессмертия создан весь мир, вся вселенная? Если бы Земля была специально для меня создана, так хватило бы ей Солнца, Луны и нескольких звезд, не нужно было бы мириад миров. Это ведь все равно, если бы клоп забрался за обои в какой-нибудь спальне Нью-Йоркского небоскреба и стал бы думать, что небоскреб для него специально выстроен. И т.д., и т.д., и т.д. Я способен развить эту тему Вам на 10 листах.

А теперь я поверну ее наоборот и кончу в нескольких строчках. Действительно, у природы будет смысл, если человек и не будет бессмертен. Но не будет тогда смысла в человеке. Осмысленная же природа не может создать бессмысленное существо. Таких ошибок природа не делает. Человека ждет, Галя, все-таки впереди вечность, потому что он мыслит об этом. Положите под курицу утиные яйца; когда вылупятся утята,

они поплывут, курице же только останется поражаться таким их действиям. Положите наоборот – под утку куриные яйца; вылупятся цыплята, но не полезут за уткой в воду. Собаки очень умны, но они не пытаются летать, у них нет заложен[ного] потенциала к полетам. Человек думает о бессмертии. Это его врожденный инстинкт. Все дикари верят в загробную жизнь, и чем больше мы этот инстинкт в себе развиваем, тем яснее и яснее для нас становится проблема бессмертия. «Кто без дара небес небо возможет постигнуть, Бога кто обретет не богоравной душой?» И когда мы с мыслью о бессмертии начинаем познавать природу, ее законы, мы убеждаемся, что наш дух бессмертен. Только мысль о бессмертии, о вечности позволяет человеку пользоваться радостью земного.

*И доколе не постигнешь
Этих слов: «умри и будь», –
Темным гостем будешь в мире
Проходить свой темный путь⁹.*

Гете

Но, Галя, уже первый час, и если я дальше буду развивать эту тему, то мне сегодня письма не кончить. И то боюсь, что на этот раз не только Ваши глаза, но и голова устала. Я показал Вам свой способ познания, но у Вас отсутствует тренировка для него, я не предлагаю его Вам. Вся цель сегодняшнего моего послания – узнать, заинтересовались ли Вы теми немногими фактами, которые я привел, и есть ли у Вас желание узнать еще такие факты. В том случае, если у Вас проявится интерес по затронутой мною теме, если Вы захотите узнать еще и еще больше, я по мере сил удовлетворю Ваше желание знания в этой области. Но чтобы узнать много, надо много хотеть, поэтому, повторяю еще, – не препятствуйте возникновению самых разнообразных вопросов и задавайте их мне, тогда и для Вас, и для меня будет легче найти тот способ познания, который будет самым приемлемым для Вас, а само познание надо только начать, и тогда оно уже не прекратится. Так что не стесняйтесь в вопросах, даже самые пустяшные задавайте. Ведь был же поднят на одном Вселенском Соборе вопрос «Поместится ли душа на острие иголки?». Это люди с белыми бородами и лысыми головами решали вполне серьезно. И ни вред, а пользу принес этот вопрос в свое время. Вреда в познании быть не может, надо надеяться, что оно откроет более широкие горизонты, надо надеяться, что можно сделать жизнь культурнее, красивее, надо надеяться на самое невозможное, лишь тогда можно жить и мыслить.

«Раз у тебя нет надежды, ты не в состоянии измыслить то, что превосходит всякую надежду», а всякую надежду превосходит познание Того, Кто выше человека-Бога. Так что мы, Галя, надеюсь, займемся с Вами понемногу религиозной философией. <...>

*Пишите.
Павлик*

17 февраля 1935 г.

<...> Затрудняюсь я сказать, много ли я изучаю людей или мало. Специально этим как будто не занимаюсь, но свое мнение почти о каждом человеке, с которым мне сталкиваться приходится, у меня всегда как-то само собой образуется, и базируется оно именно на различных мелочах.

Бывает, что говорит человек о самых высоких материях, раскрывает перед тобой, кажется, все тайники своей души и вдруг одним взглядом или жестом выдает, что это еще не его тайники и не его душа, правда, он искренне хотел бы быть таким, но еще далек от исполнения своего желания. Тогда начинаешь замечать, что ему мешает, что ему надо изменить, что уничтожить в себе и что развить. Одним словом, начинаешь осязать то, из чего человек исходит, а не только то, к чему он идет. Первое же не менее важно, чем второе. Скажем, направились бы мы оба пешком в Сыренец¹⁰. Вы бы, несомненно, скорее дошли бы до назначения, чем я, потому что Вам из Евве¹¹ пришлось бы идти, а мне из Ревеля¹². Точно такое же положение и в людях можно наблюдать. Люди одних идей, одной общей цели, одинакового направления мыслей все-таки слишком друг от друга разнятся, ибо исходят они из различных местоположений. И напрасно Вы, Галя, думаете, что в Ваших письмах я первенствующее место отдаю «изображенным ролям». Никогда. По себе знаю, что избавиться от «изображаемых ролей» почти невозможно, и потому главное внимание обращаю на мелочи, на оговорки, на «иллюстрации». Видите – я, если не умнее, то во, всяком случае, гораздо хитрее, чем Вы это предполагаете. И читать мне Ваши письма совсем не трудно и не скучно. Вы думаете, что Вы говорите о посторонних вещах, когда пишете, например, о Рейнгольде Ивановиче, или о Еввеском обществе¹³, или об окружающей Вас обстановке? Как раз наоборот. Когда человек говорит о себе, то часто он касается совсем посторонних предметов, когда же говорит об окружающем его мире, то больше всего говорит о себе.

Ведь достаточно заметить, какими глазами человек на окружающий мир смотрит, чтобы разгадать, каков этот человек. Подход к себе большею частью бывает объективным, человек как бы смотрит на себя издали и любуется или не довольствуется теми или иными своими качествами. Подход же к другим почти всегда очень субъективен, человек раскрывает самого себя, производя оценку окружающей обстановке. Таким образом, могу я Вам все тайны своего «ясновидения» объяснить, но не буду этого делать, не потому, что дорожу этими «тайнами», а потому, что пользоваться ими, может быть, только я умею и они Вам мало пользы принесут. <...>

А о философии Вы опять что-то перепутали. Помню, что я Вам писал как-то о правильном месте философии в жизни, но не помню, в каком аспекте я это делал. Ведь жизнь слишком многообразна, и одного правила на все случаи не придумать. Вы выбрали один из таких случаев, а правило к нему применили из другого. Вы написали: «Сытее ли наш ближний от нашего самоусовершенствования? Нет, он много сытее от полученной работы на фабрике злостного буржуя и эгоиста». Правильно, Галя. Спорить не буду. Но Вы забыли, что «пища духовная» от пищи физической несколько различается. Философия принадлежит к разряду первой, и поэтому

следовало бы сказать: «Можем ли мы сделать нашего ближнего лучшим путем своего усовершенствования?», или: «Становясь совершеннее, действуем ли мы на окружающих нас людей благодаря своему совершенству?», – и тогда уже на эти вопросы отвечать. Ваш же вопрос поставлен во всех отношениях неправильно. Ведь «хлеб насущный» – это не больше чем почва, на которой должны развиваться лучшие человеческие духовные силы. «Хлеб насущный» – это условия, в которые мы поставлены и не выходя из которых мы должны развиваться, но это не цель нашего развития и, конечно, не цель философии. Не мог Бетховен без ежедневных обедов творить свою музыку, но ведь нам-то наплевать на меню его обедов, мы музыку ценим. Так и во всем. Скажу не хвастаясь, что я добр, очень даже добр, но я меньше жалею тех, кто умирает от холода и голода, чем тех, кто, в довольстве живя, не носит в себе ни одной мысли, выходящей за пределы «насущного хлеба». Вы пишете, что когда есть нечего, так тогда философия очень проста. Я скажу еще по-другому – когда есть нечего, тогда и вообще никакой философии может не быть. Но почему ее нет у тех, кто обеспечен едой? Простительно ли им есть только потому, что без еды они существовать не могут? Да кому нужно их существование? На съедаемый ими кусок хлеба есть более достойные претенденты. Пусть они откажутся от этого куска ради других, пусть они умрут с голода и тем выполнят свой долг – отдадут другим то, из чего сами не способны извлекать необходимое для человечества, чтобы оно человечеством без кавычек называлось. Но такие люди не знакомы обыкновенно с понятием долга. Не стоит на них долго останавливаться. Сыты они или голодны, – все равно они только «балласт» в человечестве, ни натошак, ни после обеда не дано им ни на пядь продвинуть человечество вперед. И Бог с ним, если Бетховен любил вкусно покушать, простится это ему за его музыку, Бог с ним, если некоторые философствуют только на полный желудок. Они все-таки кроме наполнения его еще что-то делают. А что за заслуга только наполнять себе желудок, или даже в том, что наполнять другим желудки? Может быть, во мне недостаточно сильно развито чувство благодарности, и поэтому только я более благодарен Периху, который многое дал моему уму и сердцу, чем Лапшину из «Eesti Siid'a»¹⁴, который три года кормил меня, предоставляя на своей фабрике работу? Я все-таки считаю себя правым. А как Вы думаете, Галя? <...>

Теперь же прощаюсь. Надо кончать. Уже 12 часов, а завтра в 5 утра вставать. Сверхурочные работы теперь кончились, но приходится меняться – неделю работать днем и неделю ночью. Эту неделю как раз с утра работаю. Здоровье же мое в прежнем состоянии, без перемен к лучшему или худшему, может быть, и есть какие-либо перемены, да я их не замечаю, так что покамест на этом фронте все в порядке и «без перемен».

Всего наилучшего. Пишите все-таки «не мудрствуя лукаво», хотя верю Вам вполне, что писать нелегко. Это у меня только процентов 10 писательской крови, и, видя перед собою белый лист, я, нимало не сомнясь, заполняю его, мало заботясь о том, какое впечатление он на Вас

производит. Хвалю Вас за честность – я, как видите, не обладаю ею в таком количестве, пишу иногда, пишу, а каково Вам читать, редко спрашиваю.

Павлик

26 февраля 1935 г. Tallinn

<...> Обыкновенно редко люди ищут в себе свою суть, свою душу, которая создает и желания, и настроения, и мысли. Люди думают, что эта суть находится вне их, и ищут ее в том окружающем, что действует так или иначе на них. Подобно моему знакомому философу, они центр тяжести хотят перенести на восприятие воздействий извне. Окружающая обстановка для них – истина, а их удел – к этой истине приспособляться; это называется психологией, если удалось приспособиться, то психологией нормальной, отвечающей всем требованиям жизни, если не удалось приспособиться, то психологией ненормальной, которая порождает неудовлетворения, меланхолию, неврастению и т.д. Однако такой взгляд – ошибочен. Мы должны перенести центр в себя. Истина в нас, а не в окружающей нас обстановке. Приведу в доказательство самый простой пример: на одно и то же воздействие извне два человека могут реагировать совершенно различно. Наши действия будут все-таки зависеть от нашей внутренней сущности, и эта сущность имеет большее значение, нежели побуждающие нас к действию обстоятельства. Одни и те же обстоятельства у различных людей вызывают и различные действия. Если истина на земле должна когда-нибудь воцариться, то лишь путем самосовершенствования она явится, а не путем завоеваний исключительно внешних сил. Хорошо говорили древние греки – «Если хочешь улучшить мир, то начинай с самого себя», но только поступали не по словам своим. Аполлонов Бельведерских с Венерами создали, спасибо им за это, а сами спились, не тем будь помянуты. Много говорили, много говорят и много говорить будут о прогрессе человечества. В чем этот прогресс заключается и есть ли он вообще? С одной стороны, за каких-то 100–200 лет жизнь значительно изменилась, и изменилась к лучшему – двинулась вперед, одним словом. С другой стороны, за несколько тысяч лет никаких изменений к лучшему не произошло. Причина этому как раз есть ошибка искания истины не в себе, а в окружающем. Для ясности разберем два понятия – «культура» и «цивилизация». Какая между ними разница? Что разница есть – это знают почти все, но в чем эта разница заключается, этого очень часто не знают люди, претендующие на звание культурных людей. А разница между тем громадная. Уметь управлять автомобилем – будет цивилизацией, уметь управлять собой – будет культурой.

Культура есть, прежде всего, утверждение смысла своего внутреннего бытия. Нужно сказать самому себе – я есть, я существую, я обладаю разумом и свое существование считаю разумным, т.е. мое существование имеет разумную причину и настолько же разумную цель. Лишь тот, кто таким образом утвердил свое бытие, может называться человеком культурным, кто признал за собой ценность разумного существа, тот признает такую же ценность и во всем его окружающем, ибо, найдя ее в себе, нельзя ее не заметить и в других, культура дает смысл жизни, и удел культуры –

осмысленное творчество. Все водители культуры, будь это люди науки, литературы, искусства, музыки и т.д. и т.д., вкладывают в свое творчество тот смысл, который им удалось найти в себе и в окружающем, чем выше этот утвержденный ими за собой смысл, тем они всегда и культурнее и тем выше поставили себя в глазах культурного человечества. <...>

Нет, не следует заботиться о том – когда же жить, жизнь приходит всегда сама, не жизнь, а право на жизнь требуется завоевывать, это право заключается исключительно в наших знаниях; если знания обширны, то мы слышим, когда пробивает час действий, и начинаем деятельно жить, если же в знаниях большие пробелы, мы волей-неволей пропускаем нужные моменты, и жизнь проходит мимо нас. Имея перед собой даже вечность, не следует опаздывать никуда ни на минуту, потому что жизнь не повторяется. Для каждого мгновения что-то новое у нее припасено. Кажется, у Шекспира сказано: «Что потерял ты на минуте, и вечность уж не возвратит». Надо заметить, что очень и очень правильно сказано. Прошлое не возвращается, приходит новое, и это новое пройдет так же безрезультатно мимо нас, если мы не сумеем его за собой утвердить. Истина сия как Божий день ясна для зрячих, полная жизнь есть непрерывное прихождение нового, и в этом ее прелесть.

Теперь перейдем на другую тему. Начнем ее так: «Мы не можем оставаться без движения. Или мы идем вперед, или отступаем»¹⁵ (Рерих). Это надо запомнить, Галя. Многими говорится – жизнь есть движение. Многими принимается эта истина.

Но редко кто в этой «жизни-движении» стремится найти собственное место, редко кто вообще сознает, что такое «жизнь-движение есть», и почитатели этого лозунга на вопрос: «Как живете?» – не моргнув глазом отвечают: «По-старому!» Где же осталось их «движение»? Или верность своей истины они поддерживают хождением на службу, а по праздникам в кино? Часто бывает и так. От душевной наивности ли это происходит или от интеллектуального недоразвития – все равно. <...> Мысль, идущая вперед, т.е. мысль познающая, занимается творчеством, мысль отступающая, ограничившая себя рамками собственного невежества, обязательно убивает. Это и есть «жизнь-движение». За каждым нашим поступком находится наша мысль, и «человек становится тем, что он думает». Вот почему так важно следить за своими мыслями, очищать их, расширять новыми знаниями. Как только мы перестаем это делать – мы идем назад, отступаем. Иметь возможность увеличить свое знание и не использовать эту возможность – не значит ли уже повернуться спиной к прогрессу, стать предателем Истины? Безусловно, так оно и есть. Не продвигаясь вперед, мы не можем удержать за собою и прежде завоеванных позиций. Жизнь довольно жестока, не с той, так с другой стороны она урвет от тебя «твое собственное», если это собственное не будет тобою укрепляться дальнейшим твоим развитием. Вы удивляетесь, как можно от одной, кажущейся окончательной, ясности перейти к другой. Но так и должно быть. В нашем мире ничто не окончательно. Сказано: «Творимы и творчество – удел!»¹⁶. Дом Бытия постоянно строится. И если, скажем, Вы построили для

себя в этом доме Бытия 5 этажей не для того, чтобы воздвигать дальше 6-й, 7-й и т.д., а для того, чтобы подвести их под окончательную крышу и успокоиться, то эти построенные Вами 5 этажей обязательно разрушатся. Хорошая притча есть в Евангелии на эту тему. Не буду Вам ее переписывать, у Вас, должно быть, дома Евангелие имеется, и если Вам будет интересно, то посмотрите от Матфея глава 25-я, стихи 14 – 30. Дальше Вы пишете: «Прошлой ясности, однако, не стыжусь, она дала мне свое полезное». Опять-таки так и должно быть.

Творчество мысли есть именно творчество, а не разрушение, утверждение, а не отрицание. Никакой опыт жизни не может быть бесследно зачеркнут, он может быть только изжит и преодолен более полным опытом, в который предыдущий опыт непременно войдет. Воздвигать 6-й этаж над своей постройкой – не значит разрушать низлежащие. Кто хочет продвинуться вперед путем отрицаний, тот пилит сук, на котором сам сидит. Множество таких ошибочно построенных идей смущают умы человеческие. Но взгляните на них глубже, что они из себя представляют? Как они из себя выглядят? Досконально [в этом] разобравшись, про них остается сказать только, что они...

*...как все земные боги –
из бронзы лоб, из глины ноги.*

[Д. Г. Байрон]

<...> Всего наилучшего Вам, Галя, желаю. Когда соберетесь написать, мой адрес будет уже:

Tallinn, Paldiski mnt. № [12]-4.

В воскресенье переезжаю. Вспомнил и поник голову. Удивляюсь самому себе: как это я могу только шутить, имея перед собою трагическую перспективу.

Павлик

28 февраля 1935 г.

<...> Я очень ценю в Вас способность мучиться некоторыми вопросами, ценю жажду правды, которая в Вас имеется, ценю ту веру в людей, которую умею из-под «предосторожности» видеть, ценю ту борьбу с самой собою, которую Вы часто ведете, и нисколько не боюсь «показаться Вам смешным». Вы слишком близкий мне по духу человек, и не много их на Божьем Свете имеется, чтобы совсем равнодушно к их судьбам я относился бы.

30 февраля 1935 г.

Большой перерыв. Помешали в субботу дописать. В воскресенье переезжали. Слава Богу, переехали. Поставил свой стол на место и продолжаю письмо. Мысли немного распуганы всей суетой переезда и тем Содомом и Гоморрой, которые сейчас представляет из себя новая квартира, но попробуем их опять собрать «воедино». Я кончил тем, что к судьбам человеческим, особенно тем, в душах которых много созвучных и близких мне нот есть, я не могу относиться совершенно равнодушно. Да, я гораздо

большее участие принимаю в жизнях других людей, чем это со стороны кажется. Люблю я людей. И ту малость, которую способен измышлять мой мозг, ничтожный результат его работы и опыта, я не желаю уносить с собою в могилу, я хочу его отдать другим. Я хочу, чтобы хоть одна моя мысль, перепетая другим, пережила меня. Не ради меня самого, не ради «моего имени», нет – ради той правды, которую в себе содержит эта мысль и в которую я глубоко верю. Не откажите мне, Галя, в правах на такие чувства и согласитесь, что они дают достаточно оснований, чтобы не оставлять совершенно в покое и Вас. Этим и кончу ответ на Ваш возможный вопрос. Перейду теперь к той правде, которую мне хочется видеть в других и в Вас. Правда эта простая и стара она, как мир Божий, но из-за нее только и стоит в Божьем мире жить. В моем переложении так она будет звучать: мысль человеческая должна творить, она дана для творчества, и радость творчества – самая высокая радость. Каждый человек должен уметь пользоваться мыслью как творческой силой. Это не трудно, это не значит, что каждый должен писать «Фаустов» и выдумывать теории «относительности», но каждый обязан создать для себя образ более совершенный, нежели он есть, и к этому образу, превосходящему его самого, стремиться. Мало пользоваться готовыми образцами, примерами, которые перед нами в изобилии имеются, они могут только помогать, быть показательными вехами. Самый большой авторитет никогда не будет служить тебе опорой, если ты сам не пройдешь творческим путем этого авторитета и не сделаешь его мысли своими мыслями. Идти вслепую вперед нельзя. Только под гору можно катиться, закрыв глаза и перестав думать. Соглашусь, что все в мире старо, что «все уже было в веках, бывших прежде нас». Ни одной новой мысли передать я Вам не мог, никакую новую идею перед Вами поставить не в состоянии. Но не забудем, что то, что старо для мира, то ново для нас и для большинства людей в отдельности. Может быть, две тысячи лет тому назад кто-то кому-то писал в точности такое же письмо, как я Вам сейчас пишу, но это не помешает мне назвать свое письмо все-таки продуктом своего собственного мыслительного аппарата. Пусть уже все, что можно было сказать, сказано в мире, однако не каждый из живущих это все сказал и, идя старыми тропами, он идет новым для себя путем, он сызнова творит нужное для себя и для мира. И на этих старых дорогах мира все-таки творчество собственной мысли необходимо. Жил когда-то на земле Сократ, и теперь на земле живут многие его последователи и поклонники. Первый был знаменит, почему вторые нет? Думаете потому, что Сократ что-то новое сказал, а его последователи только его повторяли? Нет. Сократ ничего нового не сказал. И если какой-нибудь из его «последователей» не бюст бы сократовский на письменном столе держал, а жизнь свою сделал бы такую же, как была жизнь Сократа, повторил бы творческий путь Сократа, то он был бы так же знаменит, как Сократ. Секрет тот, что нужно самому из себя Сократа сделать, настолько Сократа, чтобы не растеряться перед новыми условиями жизни, чтобы учение Сократа сделать живым в нашей современной обстановке, нужно нового Сократа, Сократа наших дней создать, и только прибавив к его старым мыслям творчество, можно

добиться таких же результатов, каких добился он в свое время. В той книжке, которую я Вам дал, есть слова Христа: «Пусть Моим путем пройдут строители»¹⁷.

Совершенно правильно. До тех пор, пока будут молиться Христу – христианства не будет на земле. Его осуществление лишь тогда будет возможным, когда по примеру, данному Им, люди сами из себя будут творить Бого-человеков. Если бы Христос пришел бы в наше время, Он все-таки стал бы большим учителем, Его творческие силы смогли бы создать прекрасный образ и в нашей современной жизни. [Так] называемые «христиане» не могут повторить жизни Христа, они порабощены «обстоятельствами». Нужно быть творцом, художником, а не просто религиозным человеком; дабы быть истинным христианином, нужно учение Христа сделать настолько своим учением, чтобы не только, держась за подол Христа, за Христом следовать, а следовать за Ним самостоятельно и в любых обстоятельствах. Если бы Христос прожил до 34 лет (приблизительно), а не до 33, то Его учение было бы еще шире, почему же те «христиане», которые по летам пережили Христа, не дополнили Его учение, а только пережевывали его до неузнаваемости? Из-за отсутствия творческих сил исключительно. Без этой силы только на поводу у других ходить можно, а в «Царствие-то Небесное» и Христос, при всей своей любви к людям, никого за уши тянуть не намеривался, то будущее, куда Он звал, не есть богадельня для убогих разумом, то будущее должно быть создано людьми и туда нет входа «по контрамаркам» заученных молитв и положенных поклонов. Так и во всем. Всегда нужно быть творцом жизни, а не арендатором готовых идей, убеждений и обычаев. Твои цели могут совпасть и обязательно даже совпадут с чужими, но если они тобою созданы, то ты будешь идти к ним не по принуждению, не по глупости, а свободно. Плохо, если человек таких целей перед собою не имеет. Всем этим я, конечно, не хочу сказать, что «спасение» только через философию возможно. Нет. Я хочу сказать, что оно возможно только через сознательное творчество, в какой же области это творчество будет проявляться – безразлично, главное – чтобы оно было деятельно. «На каком бы пути ни приблизился ко Мне человек, на том пути и благословляю его», – прекрасно сказано в «Упанишадах»¹⁸. В той же, кажется, книге, которую я Вам дал, написано в одном месте: «Пусть где-то на задворках лучиночные солнца творят»¹⁹ – лишь бы творили что-нибудь, к чему, по их сознанию, стремиться нужно. Созданное самим и превосходящее, по твоему мнению, тебе необходимо перед собою иметь. Много будет ошибок и разочарований, но сами Вы знаете, что ошибки учат нас.

Когда-нибудь еще на эту тему поговорим, а теперь мне хочется немножко о Иване Семеновиче написать. Не ожидали такого поворота? Я делаю его для того, чтобы показать Вам, как можно с тою самою философией, которая кажется Вам иногда слишком пресной и отвлеченной, подходить к любому живому человеку, дабы понять его. Давно я Ивана Семеновича не видел, Вы пишете, что изменился он порядочно за это время. Чтобы судить о его перемене, у меня не много материала – страничка Вашего письма и

довольно скудные мои о нем воспоминания. Но в моем распоряжении – моя философия. Вам иногда кажется, что она возникает и умирает на строчках исписанного листа. Мне же кажется – наоборот – будто она возникает в самой жизни людей и умереть раньше не намерена, покамест эти живые люди не переведутся. Попробую при помощи своей философии увидеть Ивана Семеновича не хуже, чем Вы видите его, сидя с ним за одним столом. Начнем. Обратите теперь, Галя, свое внимание на него. Показываю Вам Ивана Семеновича как иллюстрацию к своему последнему письму. Ваши эстетические чувства, глядя на сию иллюстрацию, морщатся? Правильно и делают. Перед Вами пример человека, который живет прошлым. Я писал Вам, что если не строить шестого этажа, то разваливаются и пятый, и четвертый. Живым доказательством этой истины с успехом может служить Иван Семенович. У него нет будущего, он своевременно не позаботился себе его сделать. Завтрашнего дня он не видит, в завтрашнем дне найти оправдание своей жизни не надеется и ищет его поэтому в днях вчерашних. Или Вы думаете, что человек может согласиться, что он так прожил жизнь впустую, ничего не узнавши, ничему не научившись и не пришедши ни к какому выводу? Нет, это чересчур страшно. В такой пустоте боишься признаться самому себе, не то что другим. И, когда нет надежды на будущее, люди стараются доказать нужность своего бытия в прошлом. Когда это прошлое было еще настоящим Ивана Семеновича, он не думал, что такую большую роль суждено будет этому настоящему впоследствии играть. Жалеет он теперь о такой своей «недальнозоркости», жалеет, что не может пустить им «пыль в глаза» и с усердием раскапывает отдельные пылинки, любуется ими и хочет, чтобы другие так же любовались ими, так же признали бы, что – да, он жил не напрасно. Перенесши ценность своей жизни в минувшее у себя, он не желает больше видеть ценности жизни впереди и у других. Теми годами, которые за спиной, он мерит силу и ум людей. Вы хотите, чтобы он дал возможность Вам переспорить себя в каком-нибудь вопросе? Нет, этого он не может допустить – у Вас за спиной меньше лет, чем у него, а для него свести к нулю счет своих годов – значит свести к нулю всю свою жизнь. Не забывайте – она ведь в прошлом. И тут больная струнка его психологии – у него заметный физический недостаток, надо показать теперь, что этот недостаток прошлого его не обесценивал, надо показать, что его минувшие дни звенели полноценной монетой, что их авторитет не хуже авторитета любого человека. Чем же это показать, как не своим «донжуанством»? У него не было деловой карьеры, не было высоких художественных или умственных задач, он был «посредственным» человеком, но у каждой посредственности есть жажда героизма. Поле завоевания женских сердец – место, где героизм Ивана Семеновича мог проявиться, к тому же, Галя, обратите внимание – он считает одну победу на этом поприще за две, ибо она была достигнута, несмотря на недостаток физический. Что же получается? Получается то, что недостаток превращается в достоинство. Ценность прошлого искусственно выпячивается еще выше. И это делается не только напоказ, не только для других, под этим скрывается «трагедия» его жизни, если хотите, то даже

трагедия без кавычек. Сальные, грязные и пошлые его воспоминания стали такими тогда, когда они в воспоминания без остатка превратились. Он прав, когда говорит, что это единственное отрадное, что у него имеется в жизни. Когда это была еще жизнь, когда это было не прошлое, а настоящее, оно будило в нем не одни мерзостные пошлые чувства. Он мог так же переживать любовь в самом лучшем ее значении, чистым огнем любви возгоралось и его сердце, и как благодарен был он этому огню. Кто, кроме него самого, может описать те страдания, которые он пережил из-за своей хромоты в молодости, и кто, кроме него, может описать ту радость, когда он видит, что этот недостаток не есть непреодолимое препятствие? Если другие принимают любовь как должное, то он принимал ее как дар, посылаемый ему особой милостью. И тут сразу же сомнение, а не ошибка ли это? А не смеются ли над ним за его спиной, может быть, просто «на безрыбье и рак рыба»? Так стоит ли в таком случае хранить в чистоте тот огонь, который в глазах заживавших его был лишь убогой керосиновой коптилкой? И, несмотря на все свое уважение к этому священному для него огню, он заставлял себя верить, что ему этот огонь, собственно говоря, не очень-то и нужен, свои лучшие чувства для посторонних делал цинизмом, ибо боялся, что дар любви вдруг окажется подаянием нищему. Однако, как бы ни воспринималась им любовь, она делала с ним все-таки то, что делает с каждым человеком, – она вдохновляла его стремлением к подвигу. Любовь всегда зовет на подвиги, лишь когда любовью сердце горит, понимает человек всю красоту жертвы и может идти вперед, не боясь никаких жертв. И не знаю, кто кого обманул – он ли любовь или любовь его, но без обмана и не могло обойтись, потому что поверить в любовь у него не хватило храбрости, каждую минуту он был готов обернуть в цинизм свои лучшие чувства, и поэтому они обернулись сами таким образом. Теперь он копается с искренним недоумением в своем прошлом. Он помнит радость вдохновения, помнит, что радость эта была женщиной вызвана, помнит те зовы, которые звали его куда-то, и не понимает, «что огонь потух – остался пепел». А огонь-то самое главное и есть. Если бы он сумел переключить его на что-нибудь другое, поставил бы этот огонь перед собою впереди, то были бы и теперь у него интересы, желания, устремления. Та женщина, которая зажгла этот огонь, кто бы она ни была, осталась бы всегда воспоминанием ценным и не пошлым. Но этого не случилось, он не стал строить «шестого этажа», думал, что то хорошее, что вызывала любовь, останется навсегда хорошим, а вышло-то наоборот: «пятый этаж» тоже разрушился, сгнил, и ничего, кроме сальных, грязных и пошлых воспоминаний, не осталось. Когда-то любовь к женщине звала его вперед, он всматривался вдаль и чувствовал – как это хорошо. Теперь он повернулся назад и смотрит на то место, откуда его женщина звала, – там грязная лужа, но он никогда не признается в этом, ибо впереди для него ничего нет и он твердо помнит, что именно на этом самом месте он счастлив был. Поэтому он и называет свои пошлые воспоминания единственным, что у него имеется отрадным в жизни. Плохая это правда, но все-таки правда, и нет у него теперь другой. Живым трупом не желает Иван Семенович еще быть, старается уверить, что он еще нужен

жизни, но чем он нужен? Своим пережитым прошлым – вот его мнение на этот счет. Когда он говорит о настоящем, то он только жалуется, ноет да охает. Ничего не способен он показать в настоящем, впереди огней нет – ну и топчется без толку на месте. Остается лишь одно – уверять себя и других в полноценности прошедшего и не замечать, что это прошедшее, раз остановившись, – гниет и только. Много таких Иванов Семеновичей на Божьем Свете. Все, кто забывают, что будущее всегда должно быть, рискуют превратиться в разносчиков старого, полусгнившего хлама, мечтающих «в прошлом ответа найти невозможного». Ответы же на прошлое лишь те получают, кто непрерывно идет вперед. В будущем ответы прошлого заключены, и в будущем лишь прошлое понимается. Будущее же всегда может быть. Помню, читал где-то, как один астроном умирал, любил он жизнь, но не отчаивался на пороге смерти, ибо надеялся, что, может быть, на Луну с другой стороны после смерти взглянуть удастся. Вот если бы Иван Семенович так же какой-нибудь интерес в будущем имел, не прогнило бы до такой степени и прошлое его, не «нуда», а человек был бы. Так понимает моя философия Ивана Семеновича. Насколько она права – судите сами, я за дальностью расстояния и скудность[ью] материала, проверить ее не могу.
<...>

Павлик

21 марта 1935 г. Tallinn

«Посмотрим на звезды. Нам сказали, что сосуд мудрости пролился из Тушиты и капли чудесного напитка засияли в пространстве. Но Учитель сказал: «Это сияют наконечники стрел мыслей, ибо мысль вонзается в лученосное вещество и зачинает миры»²⁰.

Поговорим [в] этот раз о мысли. <...>

Если внимательно наблюдать за явлениями обыденной жизни, то можно заметить на всем влияние мысли. Возьмем самый простой пример – Вы слышали о лечении голодом. Посмотрите теперь – человек, который думает, что он голодом лечится, может голодать 40–60 дней, человек, который думает, что он с голоду может умереть – истощится вконец после трехдневного голодания.

Уверенность в своих действиях – причина достижения цели, сомнение всегда приносит поражение. Больше того – можете произвести такой опыт: возьмите два комнатных растения одного возраста и одного вида (только не папоротниковых), ухаживайте за ними около 2 месяцев, потом разделите их (поместите в разные помещения) и при поливке думайте об одном самое лучшее, другому же посылайте мысли уничтожающие. Результат будет очень скоро налицо, первое будет цвести, второе – вянуть. Сильною мыслью можно убить не только растение, но и человека. Примеров тому – сколько угодно. О гипнозе и внушении я уже и не говорю. Значение различных амулетов и талисманов – так же реальность. Неодушевленные предметы напитываются мыслями человека, с ними соприкасающегося, если захотите примеры для подтверждения этого – то могу привести множество. Теперь перейдем к самому главному – к царству мысли. Царство мысли – Тонкий

Мир, нас окружающий. Все мысли складываются в окружающем нас пространстве и несут свое следствие.

Мысль так же творит, как рука художника. Человек становится тем, что он думает. Каждый дух (человек) творит свой мир, и от качества созидания зависит красота или уродство созданного мира. Можно сказать человечеству, что существует тот мир, который оно создало мыслями. Ни наши экономические, ни наши политические действия не принесут облегчения до тех пор, покамест мысли человеческие будут создавать хаос. Мы сами повинны в своих неудачах, мы убиваем себя и других мыслями, точно так же, как можем мыслью убить растение. На одной старинной стеле было написано: «Путник, не преграждай себе путь!»²¹. Почти все человеческие пути преграждены посылками хаотических мыслей. Спросите у кого-нибудь: «Что вы хотите?». И редко кто ответит Вам на этот вопрос. Люди не знают, чего они хотят. Злобствуют друг на друга, рады уничтожить один другого, посылками самых губительных мыслей загрязнена атмосфера, и после этого имеют наивность удивляться, когда с неба вместо манны небесной саранча на них слетает. Удивляться нечему. Покамест не будет дисциплины в мыслях, не будет и порядка в действиях. Во всех учениях, во всех религиях, в науках мы находим подтверждение тому, что мысль является самой сильной творческой энергией, и, несмотря на это, не утруждаем себя заботой – упорядочить свои мысли, дисциплинировать их. Лишь ясная мысль может явить хорошие результаты. Хаос порождает хаос, и теперешнее состояние нашей планеты и прекрасных ее обитателей – наглядный пример тому.

Подумайте, Галя, какой хаос мыслей нас окружает и какой хаос мыслей мы сами вокруг себя создаем. Вы знаете, что гипнотизер сознательно производит действия посылкою своих мыслей, не забывайте же никогда, что ведь способностью мыслить обладает не один только гипнотизер, каждый человек посылает в пространство свои мысли и желания, посылает бессознательно, но каждая бессознательная мысль так же творит, как и сознательная, результаты этих мыслей губительны. Самым важным в жизни будет – научиться мыслить, привести свои мысли в порядок, этим расчищается путь продвижения вперед и себе и другим. Особенно решающее значение имеет мысль при смерти и после нее. Я говорил Вам как-то, что мысль бессмертна – да, она бессмертна, когда человек умирает, мысль покидает тело и находит себе существование в Тонком Мире в царстве мысли. То, что в религии зовется раем и адом – есть не что иное, как Тонкий Мир, где действительно каждый получает по заслугам своим, потому что каждый сам себе при жизни уготовал состояние, называемое нами – смертным. Не Бог рай создавал и не черт в аду заведующим состоит. Давно сказано, что грешники сами себе ад топят. Мысль, покидая тело, находит в Тонком Мире все, что она создавала. Воображение – могучий импульс в Тонком Мире, кто воображал Ангелов, будет с Ангелами, кто воображал себя гением – будет там гением, мысль, не ограниченная земной оболочкой, найдет себе шир[окое] поле творчества в Тонком Мире, но и каждая неблагоприятная мысль так же сторицею пожнет жатву земного посева.

Любое желание, любое чувство есть мощные рычаги в Тонком Мире. Мысль должна исчерпать до конца все свои возможности, все, что мыслью было не достигнуто на земном плане, все, что осталось здесь мечтою и воображением, – будет осуществлено в Тонком Мире. Если человек чего-то боится, ему непременно придется пройти, именно, тропой этого ужаса, пока не исчерпает свой страх, если человек чему-либо радуется, он до конца этой радостью насытится. Так действует закон Возмещения, так человеческая душа, наподобие аккумулятора, заряжает себя в Тонком Мире для дальнейшей эволюции или инволюции – выбор свободен, этот выбор производится нами на земле силою и качеством собственной мысли. Конечно, Тонкий Мир не есть вечное успокоение. На отсутствие вечного успокоения жаловаться не приходится, потому что его вообще нет. Бытие живет и движется. Законченность есть смерть – а смерти нет в Бытии. Мы не понимаем значения Беспредельности, но должны осмыслить ее, как неизбежное и потому особо заслуживающее внимания. Беспредельность существует, и первое качество ее – неисчерпаемость. Потому нельзя ограничивать свою мысль только видимым. Только безумие определит себе границы, только непонимающие явления красоты скажут: сущим довольствуемся. Удовлетворения законченностью процесса не должно быть; ни один процесс не кончается. Не нами, людьми, все началось, и тем более не нами все кончится. Ведь это ясно, как дважды два – четыре. Вместо удовлетворения должна быть радость познания постоянного движения, постоянного неисчерпаемого движения Бытия в прогрессивном направлении. Забытыми и непонятыми остались слова Христа: «Радость есть особая мудрость»²², и от качества нашей мысли развитие этой мудрости происходит. Этим и закончу объяснение о значении мысли. <...> Всего хорошего.

Павлик

7 апреля 1935 г. Tallinn

<...> Что же заложено в основе Бытия? Основу Бытия можно сравнить с атомом, но это будет не совсем точно, атомы можно разложить на электроны, электроны разлагаются, в свою очередь, на что-то и т.д. до Первичной Материи. Первичная Материя есть тончайшая неделимая частица Бытия, разлитая повсюду до бесконечности, и частица эта содержит сама в себе все: и свет, и силу, и тепло, и разум, и законы, и Бога и т.д. Для нас Первичная Материя вроде как ничем является, пустотой – междупланетным пространством; Первичной Материи на Земле и даже в земной атмосфере нет в ее чистом виде, конечно. А все, что мы видим, и сами мы – суть эволюция, видоизменение Первичной Материи. Повторяю еще раз – частица Первичной Материи содержит сама в себе все и ничего извне не получает, потому что вне ее имеется лишь такая же Первичная Материя без конца, эта Первичная Материя в браманизме зовется Матерью Мира, Радж–Раджесвари²³ (в переводе – энергия энергий).

По определенным, свойственным ей самой, а не полученным от какого-то Бога законам энергия эта непрерывно действует, перерабатывает что ли саму себя. Теперь я нарисую перед Вами такую картину, предупреждаю,

опять-таки картину условную, символическую, ибо нашими словами–символами, кроме символов, ничего изобразить нельзя: миллионы миллионов лет тому назад пространство, в котором заключена наша Солнечная система, было вместилищем Первичной Матер[ии], наш теперешний глаз не увидел бы ничего в этом пространстве. Приведу выписку из «Упанишад»: «Тогда ничего не существовало, ни мир, ни воздух, ни небеса. Не было смерти, не было бессмертия. Мрак был окутан мраком, и вода не сверкала. Она одна (Первичная Материя) отдыхала в носящей ее пустоте. Она одна дышала не дыша и силою собственного разума создала, наконец, этот мир... Но кто знает? Кто может сказать, откуда все эти существа, откуда все это созданное, откуда явился этот разнообразный мир и может ли он сам собою держаться? Только Он (закон Первичной Материи) может знать все, вечный, всеведующий, всепроникающий, полный радости, чистый, разумный и освобожденный Брама». (Брама – разум или закон, присущий Первичной Материи. Мы не знаем этого закона, он не познан нами, и в браминской религии Матерь Мира изображается с покрывалом на лице, так как лицо Ее (ее сущность) людьми не раскрыто.)

Евангелист Иоанн начинает свое послание так: «В начале было Слово, и Слово было у Бога и Слово было Бог»²⁴, т.е. сама Первичная Материя собственным заложенным в себе импульсом творила эволюцию.

Теперь продолжаю своими словами: представьте себе – [частицы Первичной Материи], развивая в себе, каждая по-своему, бесконечные свои возможности, соединялись вместе, и от какой-то комбинации их получилась как бы батарея сконцентрированных энергий в виде Солнца, энергия Солнца вызвала к огненной жизни другие планеты, в том числе и нашу Землю. Энергия огня уплотняла, видоизменяла и комбинировала возможности Первичной Энергии и создала сушу и воду; Первичной Материи в ее чистом виде больше уже не осталось вокруг Земли, но все ее свойства, как то: разум, сила, свет и т.п., распределялись в вызванных ее действиями формах. Один из законов этих разнообразных форм – совершенствование (о законе совершенствования я уже писал Вам): все более совершенные формы тянут к себе как бы магнитом формы менее совершенные – так прогрессирует Вселенная. Вы спросите, как же прогрессирует сама совершенная форма? На это трудно ответить, потому что самой совершенной формы я не могу себе представить, но все-таки не много ошибусь, если скажу – она совершенствуется самопознанием. Ведь сущность-то всех форм осталась прежней, сущность их – Первичная Материя, в своем чистом виде это Первичная Материя только содержит в себе все возможности, а начав создавать формы, эта Первичная Материя уже осуществляет свои возможности, так же как художник обладает способностью написать картину, но для того, чтобы осуществить свою способность, он должен написать картину, так протекает и эволюция Первичной Материи. Она может все, но она должна творить действием это все. Первичная Материя в форме минералов (т.н. мертвая материя) проявляет лишь свои наиболее грубые законы – инерция, тяжесть, сопротивление и т.д., в растительном мире развивается уже инстинкт –

стремление к свету, формы плодов, позволяющие разносить семена, и т.д. В животном мире к инстинкту прибавляется память и нечто вроде разума, который вернее можно назвать – хитростью. Наконец, человек. Человек на земле – важная переходящая ступень – Первичная Материя, в форме человеческого разума, начинает понимать свои собственные возможности и сообразно своему понятию эти возможности осуществлять. Возможность создать действительно прекрасный мир нам дана, ибо возможности Первичной Материи, чьей формой мы являемся, неисчерпаемы, им нет пределов, но этот прекрасный мир мы должны сами создать, возможности останутся только возможностями, если их не перелить в формы. Задача человека на земле – познавать и осуществлять возможности Первичной Материи и тем самым совершенствовать земные формы материи; за развитием человека тянется и развитие природы, исчезают с земли устаревшие виды растений и животных, примитивы совершенствуются во всех областях земных форм. Первичная Материя, в своем развитии дойдя до формы человека, осознала свою творческую силу, но этого, конечно, мало. Скажите, какое счастье сознавать бессмертие, но не знать форм, в которых ты раньше проявлялся и в которых ты в будущем должен проявиться. Нужно настолько познать законы Первичной Материи, т.е. познать самого же себя и свои возможности, чтобы самому свободно выбирать формы своего Бытия, не быть слепым, бессильным, которого цепь необходимости волочит в требуемые природой формы, а обладать свободой выбора в Бесконечности, назначать себе новые ступени развития, в Бытии все возможно и все достижимо, каждая достигнутая форма открывает новые дороги, новые искания, так же, как существует бесконечность времени, бесконечность пространства, так же существует и бесконечное разнообразие форм жизни – в этом нет предела. Тех, Кто достиг свободы выбора в Бесконечности, Тех, Кто тянет за собой человечество, Тех, Кто постигли законы Первичной Материи, я подразумеваю под понятием – Бог – и поэтому пишу это слово все-таки с большой буквы, хотя в сущности своей этот Бог то же самое, что и я или моя пепельница, т.е. одна из форм Первичной Материи, которая прошла состояния и электрона, и атома, и минерала, и растения, и животного, и человека, наконец. Вы написали «Бог – это человеческая беспомощность» и попросили высказаться относительно этой фразы. И я скажу: наоборот, Бог – это сила человеческого знания. Бог есть знание – и только – отсюда же все Его другие качества, их без счета, но все они есть не что иное, как знание законов Первичной Материи и сотрудничество в рамках этих законов в Бытии. Ни Первичной Материи, ни ее законов никакой Бог не может ни создать, ни изменить, ни уничтожить. Первичная Материя разлита в Бесконечности, и ни один Бог этой Бесконечности не может охватить; так имеет ли Бог какое-нибудь значение и делает ли Он что-либо существенное, если в основе своей все сущее, и сам Бог в том числе, есть только Первичная Материя? Значение Он имеет все-таки неопределимое, Он, как форма более совершенная, вызывает к эволюции бесформенную Первичную Материю, Силой Своего знания Бог вызвал [и] нас, и Землю нашу из хаоса Первичной Материи так, как художник создает

картину, как мыслитель создает теорию или как композитор пишет мелодию, так из хаоса Первичной Материи при помощи оформленной Первичной Материи же создаются миры, но эволюция и жизнь этих миров происходит лишь по законам этой же самой Первичной Энергии. Скажу Вам еще один ее закон, он много Вам разъяснит, закон этот – свобода. Бог, который вызвал к жизни нас и нашу Землю (не смущайтесь, что я опять употребляю слово «Бог», употребляю я его потому, что, во-первых, у меня нет в запасе другого слова, во-вторых, потому, что вообще это понятие никаким словом невыразимо, и, в-третьих, для краткости, подразумеваю же я под этим Богом ту Первичную Материю, которая прошла уже где-то в другом месте все земные формы и другие формы Бытия, нам неизвестные, и в своем бесконечном существовании эта Первичная Материя вызвала к жизни из хаоса Первичной Материи какую-то часть и направила ее эволюцию теми земными формами, в которых проявились мы – частицы вызванного к жизни хаоса), так вот этот наш Бог, о котором кое-что знают наши религии, является полным Владыкой Земли и всего живущего на ней, Он ее может уничтожить в один момент, так же, как и открыть истину всем живущим в один момент, но ни того, ни другого не будет сделано, т.к. частицы вызванной к жизни Первичной Материи обладают так же, как и Сам Бог, всеми возможностями, и в числе этих возможностей заключается свобода воли. Мы вольны познавать законы Бытия, так же как и вольны не познавать их, в нашей воле выбирать добро или зло, любовь или ненависть, свет знания или тьму невежества, наша воля ненарушима – это наш закон и закон Бога, Бог указывал через религии истину, ее искажали; можно помогать, можно объяснять, приказать, наконец, можно, но нарушить чью-то волю, если приказание не исполняется, – нельзя. Эта воля сама будет ответственна за свои деяния, при нарушении же чьей-либо воли вся ответственность падает на нарушившего ее, и самое благое намерение, если оно не по нашей воле делается, не приносит благих результатов, насилия, каково бы оно ни было, нет в законах Первичной Материи, или, правильнее сказать, оно есть, но оно не закон, а беззаконие, насилие не может творить, насилие только разрушает. Поэтому заставить кого-нибудь насильно жить по законам прогресса и совершенствования материи – нельзя. После каждой Своей проповеди Христос повторял: «Имеющий уши слышать – да слышит»²⁵, – но вдуть насильно кому-нибудь истину даже с самыми благими намерениями нельзя.

Помогать чужой воле нужно – сотрудничество есть закон, нарушить чужую волю нельзя – всякое насилие есть беззаконие. Потому-то так медленно земная эволюция и движется вперед, [что] вызванная к жизни воля творит зло, и по закону возмещения это сотворенное ею зло она должна искупить. Мы наследники многих рас, эпох и поколений, но в наследство от них нами получены не только их ум, но и безумие, которое будет до тех пор перевариваться в бурном котле наших жизней, покамест не испарится. Действительно, если посмотреть на человечество, так кажется, что весь прогресс есть лишь бессмысленное топтание на одном месте – «возвращается ветер на круги своя» и никуда вперед не двигается;

двигается-то он двигается, но не так, как мог бы двигаться, различ[ные] цивилизации, идеалы которых – электрические утюги и тому подобная дребедень, задерживают движение. Средства принимаются за цель и останавливают познание. И, наконец, существует мера человеческой мерзости, преступив которую, человечество навлекает на себя грандиозные катастрофы. Я когда-нибудь расскажу Вам историю человечества немного по-другому, чем она объясняется учеными историками, и, надеюсь, мои небольшие сравнительно знания перевернут все Ваши понятия об истории человечества. Наша ученая история охватывает максимум 10 000 лет <...>, но ведь наша раса имеет около миллиона лет существования. Эпохи знания чередовались с эпохами невежества. 11 500 лет тому назад погибла Атлантида, о ней почти забыли, считали мифом, теперь доказано, что она существовала. Знание атлантов было больше нашего, но был преступлен предел мерзости, и безжалостный закон схоронил ее, настанет срок – и туда же, к чертям на дачу, отправится наша Европа; будут новые люди, и будет новая земля – «новое вино в старые меха не льют, ибо меха порвутся», и не нашим теперешним телам и умам нести новые знания – они их не выдержат. Одно стихотворение у Агнивцева так кончается:

*Так быть должно. И так бывало.
Гроза сметет опавшие листья.
И будет день. И будет все сначала,
И новый сад, и новые цветы.*

Войти ли в этот новый сад господами или чертей разыгрывать в вязком иле океана – [выбор] от нас зависит, помогать строить этот новый сад или, возлюбив свои догматы, привычки и невежество, творить препятствия этой постройке – также наша добрая воля, никаким Богом не нарушаемая. Тот новый сад должен быть построен, и он будет построен. Если атом, простой атом, о котором рассуждают наши человеческие умы, переделал себя из минерала в растение, из растения в животного, из животного в человека, так неужели же мы, человеки, настолько сволочами стали, что всю эту громадную, радостную, творческую работу Бытия превратим опять в хаос? Мы можем это сделать. То, чего не сделает Бог, вооруженный знанием, может сделать человеческая мерзость, но это никому даром не пройдет, чувство ответственности нам дано, а результаты ее на нас скажутся. Если эволюция пойдет назад, то всю свою мерзость мы переживем, весь ад, созданный нами, сами исчерпаем, в ничто обратиться все равно не сможем, а после долгих пертурбаций станем опять Первичной Материей, и опять когда-нибудь будем вызваны к жизни, и опять будем проходить все степени развития, особенно долго, вероятно, задерживаясь на скотских. Такова, Галя, Истина. В основе всего есть лишь одна Первичная Материя, которая все возможности в себе содержит, в порядке эволюции эти возможности осуществляются, т.е. принимают конкретные формы, этих форм – без конца, меняются они – бесконечно, сперва бессознательно, потом прогрессируя сознательно, мы находимся в одном из циклов этого вечного движения, перейти на следующую ступень – наша обязанность, все ступени Бытия связаны тесно между собой законом необходимости, творится то, что

должно твориться, кто мешает этой творческой работе, тот отдает сам себя на разрушение. Ничего с этим не сделать, «лес рубят – щепки летят», даже если дровосеком Бог является. На этом покамест и кончим. Ах да, могу теперь объяснить Вам яснее символ Троицы: Отец – оформленная часть Первичной Материи, та часть, совершенство которой вызывает Материя в ее чистом виде, т.е. бесчисленное количество возможностей, не проявленных еще в конкретных формах. Сын – результаты эволюции, переход низшей формы в высшую, можно сказать, сама эволюция. Но, в сущности, каждое из трех лиц Троицы есть не что иное, как одна и та же Первичная Материя, вот почему записано в египетском папирусе: «Я начал быть, как Бог Единый, но три Бога были во Мне».

Теперь у Вас, Галя, накопился целый том философии, разбирайтесь на досуге, если досуг имеете, если некоторые явления Вас и запутывают сейчас, так это не страшно; до такой степени, чтобы сгладить все противоречия, Истина вполне постижима для человека, немного знания, немного усилия, и ни одного противоречия не останется, зачем мы живем и как должны мы жить – все это можно узнать. «Ничего нет тайного, что не сделалось бы явным» – это сущая правда. Надеюсь, что мы все-таки когда-нибудь встретимся и поговорим на эту тему, устно объяснять гораздо легче, чем письмом.

Теперь же всего наилучшего.

Павлик

26 мая 1935 г. Tallinn

«Благословенный передает: «Все для всего всегда». Заметь четыре закона: Закон Вмещения, Закон Бесстрашия, Закон Близости, Закон Блага»²⁶. «Истинно, перо, выпавшее из крыла маленькой птицы, производит гром на дальних мирах. Вдыхая воздух, мы приобщаемся ко всем мирам»²⁷.

«Нить необходимости проходит через все миры. Но непонявший ее останется в опасном ущелье и незащищенным от камней»²⁸ (из учения Будды).

Почему так часто жизнь нам кажется бессмысленной? Потому что мы не умеем смотреть выше крыши своих карточных домиков, потому что мы не знаем нашего прошлого, потому что не можем представить будущего, потому что возвеличиваем себя, думая, будто человек – высшее звено Природы, и, наконец, потому что унижаем себя, предполагая, что человеку недоступна степень всеобъемлемости высшего знания; кто не верит, что человек будет Богом, тот сам из себя сделает животное. Прошлый раз я писал Вам, Галя, о несовершенстве человека, указывая на то, что мы, ничего не зная, претендуем утверждать, будто знаем все, а на самом-то деле даже своего невежества – и того нам вполне не осознать. Теперь попытаюсь обрисовать картину, которая должна быть перед человеком, не поставившим свое невежество на высшую степень своего достижения. В одной из своих статей Рерих пишет: «Думайте еще шире! Думайте еще лучше! Не упускайте измышления вашего ценного вещества. Не смейте умалять то, что вызвано из хаоса непроявленного великою мыслью»²⁹. Ограниченность мышления – главный наш враг. Вот находитесь Вы сейчас в Юрьеве³⁰, а можете думать о

Сыренце. Попробуйте, взглянув вечером на звездное небо, подумать о всем Космосе, представьте, что все звезды могут для Вас быть так же доступны, так же знакомы, как Сыренец. Мы считаем своим домом то место под крышей, где находимся, иногда город, где живем, в редком случае свое государство, почти никогда – земной шар, и абсурдом считаем думать о всей Вселенной как о Великом Здании, жителями которого являемся. Труба на крыше нашего дома – очень неосмысленный предмет, но и до нее наш взор не всегда поднимается, большею частью он останавливается на плите, где готовится обед к сегодняшнему дню. Как же после этого найти смысл жизни? Правда, мы читаем, думаем, находим красоту в различных предметах, но как все открытия нами применяются к дому? Вот Вам выписка из браминской книги «Сутра»³¹: «Учение подобно пламени светоча, который возжигает огни многие.

Они могут послужить для приготовления пищи или для рассеяния тьмы, но пламя светоча останется неизменно сияющим»³². Оглянитесь кругом, Вы увидите много сияющих светочей, Вы найдете мудрые заветы, прекрасную музыку, захватывающие слова, предметы искусства, красоту природы и т.д. и т.д. Но всмотритесь внимательно, как эти светочи употреблены? Да ведь на их сияющих огнях карбонад к обеду жарят почти без исключения. Потому-то и окутывает нас тьма, потому-то и давит безысходность <...>

В каждом из нас имеется индивидуальный потенциал жизни. Жизнь принимала различные формы, но потенциал этот сохранялся в неизменности. Мы когда-то были камнями, были растениями, были животными, дошли теперь до степени человека, сохранив этот потенциал. Этим потенциалом жизни обладает бумага, на которой написано мое письмо, и Вы можете оборвать, сжечь ее, но рано или поздно и ей суждено быть человеком, и она будет им, может быть, через миллион миллионов лет, но все-таки будет, потому что до человека эволюция обязательна по направлению к прогрессу. Человек есть первая степень формы Бытия, которая обладает ответственностью, так как в человеке грубая материя уравнивается с тонкой материей (тело с мыслью). Эволюции, то есть жизни, человеку не избежать, так как она есть закон Бытия, но в прогрессивном или, наоборот, в регрессивном направлении эта эволюция будет происходить – это уже зависит от самого человека.

В прошлом письме я предложил Вам схему Божественного как идеальную мысль. Пойдем теперь дальше. Прошлый раз я сказал: идеальная комбинация всего материального и духовного есть схема Бога. Но подумайте теперь: если бы была где-то такая идеальная комбинация, могла бы она совершенствоваться дальше или нет? Конечно, нет. Она была бы мертва, она прекратила бы жизнь и уничтожила бы Бытие. Поэтому ее нет и не может быть, есть лишь ее принцип. Формы Бытия бесконечны, они будут вечно совершенствоваться, создавать новые миры, преобразовывать старые и жить без конца, так же как жили без начала. Бесчисленно количество миров, которые ниже нашего по развитию, и бесчисленны миры, которые выше нашего на лестнице эволюции. Тот Бог, в которого верю я, не есть бог мертвый «с сердцем небыющимся», но Бог Живой, Он не есть существо или

личность, награждающая праведников и карающая грешников, а Он является что ли качеством, которым обладает цветок, животное, птица, человек, наконец. Не Бог сотворил нас и делает нас, а мы сотворили Бога и делаем Бога своим Божественным качеством потенциала жизни. В Вас заложен Бог, и во мне заложен Бог, и мы должны делать своего Бога действительно всезнающим, всеобъемлющим и всемогущим Богом. На нашей планете были люди, которые добились этого, – Кришна, Будда, Конфуций, Магомет, Платон, Христос – это люди, ставшие по сравнению с нами Богами, они достигли того, что больше не имели зависимости от грубой материи, они могли умереть в теле и воскреснуть в духе, могли покинуть нашу планету и обитать на других, и сейчас на Земле имеются люди, не считающие Землю своим обязательным местопребыванием, но с этим я познакомлю Вас позже. Или все это Вам сказкой кажется? Но подумайте, Галя, умел ли я когда-нибудь таки сказки выдумывать, разве похоже было, что верил в чудеса, держался я когда-либо за третью пуговицу, если встречал священника? Ведь не было таких случаев. В этом отношении я и теперь не изменился, никаких чудес не признаю, все существующее считаю естественным, знаю, что, ничего не добиваясь, ничего не получишь, знаю, что имел удовольствие появиться на нашей планете в городе Нарве в 1911 году по Р[ождеству] Х[ристову], чему-то учился, чему-то не научился, до чего-то удалось дойти, наделав, правда, тысячи ошибок, к чему-то буду стремиться идти дальше, по-прежнему на ошибках спотыкаясь, и умру, когда пробьет час закона природы, и, возможно, по собственной глупости ускорю этот час смерти, за что сам потерплю наказание, потому что прерву дорогу восхождения и совершенствования, никакой Бог меня не помилует и не накажет, я сам себя буду и миловать и наказывать как на земле, так и вне ее результатами своих деяний и своей мысли. Я никогда не увижу Бога, не сделаюсь Богом, если не “сумею, буду бросаю бессознательно законом Бытия на различные миры; если разовью в себе зло – могу превратиться в паршивую кровожадную гиену, где-нибудь на Сатурне, могу превратиться во вьючного осла, могу опять где-нибудь глупо, бессмысленно страдать, как, возможно, страдал до сих пор уже не один миллион лет. В природе свято исполняется закон возмещения. Мы его можем наблюдать на своем земном опыте, этот закон возмещения и будет властвовать мною; создавая злые причины, я понесу где-то злые следствия, без всякого вмешательства Того, Чье имя на земле Бог. И только если я сам сумею утвердить за собой знание, силу, добро, любовь и т.д., то я постигну их и вырвусь из заколдованного круга дурной бесконечности в бесконечность сознательную, когда смогу сам выбирать себе форму бытия и продолжать бесконечную жизнь, сознательно совершенствуясь и творя. Привожу Вам выписку из учения Христа, не вошедшего в Евангелия:

«Взяв бамбуковую трость, Христос очертил квадрат вокруг отпечатка Своего следа, прибавив: «Истинно говорю, – ногою человеческою». Потом, отпечатав ладонь, так же заключил ее в квадрат. «Истинно говорю, – рукою человеческою». Между квадратами Он начертил подобие колонны и покрыл как бы полусферой. Он говорил: «Вот Я сделал пестик и над ним дугу и

заложил основание на четыре стороны. Когда ногами человеческими и руками человеческими будет построен Храм, где процветет заложенный Мною пестик, пусть Моим путем пройдут строители. Почему ждем пути, когда он перед нами?» И, встав, тростью смешал начертанное»³³. Каждый человек сам, своим разумом, силой, волей должен выбраться из кухмистерской жизни, и не только для себя лично, но помогая всем другим, как Христос; лишь я сам могу сотворить себе Бога и стать Богом, но я не должен говорить: «И возрадовался дух Мой о Боге Спасе моем»³⁴, отбросив всех от себя в сторону, нарушаешь закон Близости, радоваться можно лишь о «Боге Спасе твоём», когда видишь, что все человечество – и ближние твои и дальние, тебе неизвестные, также постигают и исполняют закон Совершенствования (Вмещения). Но как ты сам, так и все другие должны совершенствоваться по формуле «ногою человеческою и рукою человеческою» не в монастырях и пустынях, а среди жизни, утверждая знание и культуру.

Вот истина, выше которой нет ни одной религии, но зернышки этой истины заложены во всех религиях, поэтому-то к религиям и надо относиться [как к] ведущим к познанию или, вернее, к созиданию Бога. <...>

Всего хорошего.

Павлик

1 июля 1935 г.

«Насколько одна Беспредельность не представляет конкретных последствий, настолько конечность будет умаляющим понятием. Только соотношение этих антиподов составит правильное решение космогонической проблемы»³⁵ (Агни Йога). А проблема космогоническая и есть проблема всей нашей жизни.

Если мы признали за своим существованием смысл, то где же искать корня этого смысла, как не в Космосе? Если нашему ничтожному по сравнению с Космосом физическому телу разум дан, если нашими поступками руководит воля, про которую трудно сказать – исключительно ли она только наша собственная, ибо иногда что-то постороннее выравнивает ее зигзагообразные пути, поверх человеческого проходит чья-то более сильная воля, которая направляет всю историю человечества так, что разнообразие индивидуальных волей сливается, несмотря на все противоположности индивидов, в какую-то общечеловеческую волю, общечеловеческую цель. Если все это существует, а что это действительно существует, видит всякий разумный человек, по-разному только видимое понимается: коммунист хочет одного, монархист другого, фашист третьего, человек чистой науки работает в одной области, человек веры или церкви в другой, мистик в третьей, – но что лежит в корне всех их изысканий и учений? Прежде всего, конечно, Смысл, разум, оправдывающая нашу жизнь цель. Так вот, если все это существует в среде человеческой, среде очень и очень несовершенной, по нашим же заключениям, то, безусловно, такой же смысл, такая же оправдывающая существование цель, только неизмеримо большего масштаба, имеется и у нашей планеты, и нашей Луны, и у других планет, и у Солнца, и у бесконечного количества звезд. Можно утверждать

даже и большее – если волей обладает человек, и вдобавок по нашим понятиям свободной волей, то почему земной шар в целом не обладает такой же волей? Логически рассуждая, такую волю отнять мы у [Земли] не можем. Так же, как и мы, в своем видимом образе Земля представляет из себя физическое тело, так же, как и наше тело, тело Земли подвержено влиянию времени, так же оно живет и движется в пространстве, как мы на его поверхности, зависит от Солнца, обладает магнетическими силами и т.д. Если глубже продумать этот вопрос, то можно установить до мелочей полнейшую аналогию между Микрокосмом (человеком, микро – малое) и Макрокосмом (Землей, Солнцем, Вселенной в целом, макро – велик[ое]). Аналогичное же в видимом дает нам право предполагать такую же аналогию и в невидимом, то есть в разумности, наличии воли, цели, общего космического взаимоотношения, как и общего человеческого, разница будет лишь в масштабах, ибо Земля для Солнца имеет гораздо большее значение, чем существование человека, и спутник нашей Земли – Луна – в правильной организации нашей Солнечной системы играет большую роль, чем все разумное человечество вместе взятое. Все бесконечное количество звезд, весь Космос в образе физически материальном живет по законам времени и пространства, и в этой жизни мы можем констатировать точнейший разум, не знающий наших человеческих ошибок, этот разум уходит за пределы нашего мышления в какую-то бесконечность, так же как звезды уходят в бесконечность, за пределы нашего зрения. Тут перед нами встает трудная задача – найти правильное соотношение высшего Космического разума с нашим несовершенным земным. Для работы на плане земном даны нам конечные, ограниченные временем и пространством возможности, и с какой стороны подойти к Бесконечным Космическим законам, дабы их разумность проводить во временном нашем земном существовании, мы не видим. Вот и получается печальная во всех отношениях картина: с одной стороны, мы обязательно сталкиваемся с великим смыслом вечного во времени и бесконечного в пространстве Космоса и без этого смысла не можем ни одного явления себе до конца объяснить, а с другой стороны, мы втиснуты в коротенький промежуток времени между рождением и смертью, придавлены тысячами неблагоприятных для нас обстоятельств, ограничены всевозможными препятствиями, из-за которых даже на завтрашний день не имеем уверенности в желаемом для нас выходе из того или иного положения. Завтрашний день становится для нас камнем преткновения в подходе к Бесконечности. Удалять такие камни преткновения с путей нашего мышления и наших действий – и значит начинать жить разумно. Камни сии различными способами удаляются. Философии, науки, религии, созданные человечеством, – все это орудия для удаления границ между малым и великим, благодаря им наш разум, наше самосознание проникает в разум окружающей нас обстановки, то есть в Космические законы, и применяет их для своей жизни; успешное выполнение этой задачи и будет настоящим культурным прогрессом. Самосознание – есть первый шаг, второй шаг – есть осознание наличия Космоса и его разумности и, наконец, третий шаг, самый трудный – проникновение в скрытые законы Космоса, изучение их и

руководство ими в собственной жизни. Этот-то трудный третий шаг и наталкивает нас поминутно на всевозможные с нашей точки зрения противоречия, часто эти противоречия неразрешимыми остаются даже в наших мыслях, так что, безусловно, и в наших действиях устранить мы их не в состоянии. Когда Вы, Галя, были в Ревеле, мы как раз с Вами одно из таких противоречий затронули, но только очень слегка. Противоречие это заключается в том, что как допустить разом существование свободной человеческой воли и вместе с тем воли Божией, как ее называют, судьбы, предназначения и т.д. В этом письме я натолкну Вас еще на один путь разрешения этого противоречия совсем с другой стороны, которая обыкновенно совершенно из вида упускается. Дело в том, что, говоря о свободной воле, мы плохо себе [представляем], что такое свобода есть. Само слово «свобода» указывает уже, кажется, на неограниченность, на возможность выполнять любые желания. Большею частью так и принимается нами это понятие. Однако это не совсем правильно. Даже люди политики поняли невозможность такой свободы на земле и, проповедуя свободу, говорят: не забывайте, что свобода не есть беззаконие, а действия в границах идеальных законов. Но оставим политиков в стороне, ибо идеальных законов они еще не придумали, и вернемся к затронутому нами вопросу. Здесь я приведу Вам одну выписку из книги «Беспредельность»:

«Свобода, которая так манит человека, есть иллюзия. В Беспредельности есть свобода выбора, и в этом вся красота. Свобода выбора утверждает человека. И назначает человек сам себе мир следствий. Так творится жизнь зависимости. Нескончаемы существования и связаны явлениями строительства»³⁶. То есть по-другому формулировать понятие «свобода» можно так: свобода есть подчинение высшим законам. Одна только такая формулировка по нашим понятиям парадоксальна и противоречива – «свобода есть подчинение» – почти абсурдное соотношение слов. Но здесь надо принять во внимание то обстоятельство, что понятия нами высшие законы столь совершенны, что мы свободно им подчиняемся, ибо вне их не видим того, чего искали, – смысла жизни. Приведем самый простой пример. Предположим, что Вам из Сыренца в Нарву попасть нужно. Что Вы делаете? Едете на пароходе. Но ведь можно было бы поехать и на лодке, можно было бы идти пешком. У Вас была свобода выбора, и Вы выбрали пароход. Но будет ли Ваш выбор совсем свободным? Конечно, нет. Необходимость заставила Вас все-таки ехать на пароходе и платить 2 кроны³⁷ за проезд, ибо даже при всем нежелании с этими двумя кронами расстаться и при всем нежелании ехать на пароходе Вы все-таки делаете то и другое, так как это самый рациональный способ добраться до Нарвы.

Так что в корне свободного выбора лежит все-таки необходимость. Пример сей, конечно, очень груб и о необходимости космической представления не дает, но если Вы подумаете на эту тему, то сами найдете за всеми свободными действиями скрытую необходимость. Такое положение все-таки значение свободы отнюдь не умаляет. Свобода все-таки остается свободой, Вы могли бы все-таки ехать в Нарву и на лодке, и пешком пойти, могли бы и выбрать любой путь, хоть самый дальний. Так и в жизни, в

достижении поставленной цели свобода такую же роль играет, можно найти ближайший путь к достижению цели и воспользоваться им, можно идти путями менее рациональными, можно идти в противоположную сторону, но если Ваша цель разумна и если ближайший путь к ней найден, то Вы, конечно, этим путем свободно воспользуетесь, хотя этот путь будет необходимым уже по одной той причине, что он единственен. Исходя из такой точки зрения, можно интересно разрешить проблему о личной свободе воли и о воли необходимой, то есть Высшей, Божественной и т.д. Но это точка зрения не единственная, существует и множество других, пользование которыми так же может правильно разрешить эту проблему. <...>

Пишите, буду ждать. Поклон Толе передайте.

Павлик

9 июля 1935 г.

Большое и искреннее Вам спасибо, Галя, за приглашение. С радостью бы принял его, но, к сожалению, это невозможно. Как я уже в прошлом письме Вам писал – начали меня лечить, лечение же это такое, что приходится быть все время под наблюдением врачей³⁸, потому что различные осложнения при этом способе лечения очень возможны, и, начав его применять, опасно не довести до конца, так что я даже не уверен сейчас – отделаюсь ли я двумя месяцами, может быть, придется срок пребывания в санатории и продолжить немного.

Метод сей довольно любопытен и недавно вошел в употребление – года полтора тому назад с каждого больного брали подписку, что в случае неблагоприятного исхода он к врачам претензий иметь не будет, теперь же так насобачились, что орудут своей иглой, как сапожник шилом. Дело же в том заключается, что накаченный в середину воздух давит на легкое, сжимает его и таким образом дезинфицирует, искусство же врачей – знать, как много воздуху можно накачать и какие промежутки между накачиваниями делать, дабы в этом не ошибиться, просматривают все время рентгеном. О результатах всей этой церемонии говорить сейчас, конечно, преждевременно, тем более что первое время такое лечение действует немного на весь организм, дышать приходится после накачивания только одним легким, а это уже лишняя работа сердцу прибавляется, температура в течение одного дня самые изумительные прыжки делает, и вообще чувствуешь себя не совсем в порядк[е]. Со временем организм к этой операции привыкает и дело идет лучше. Ну да поживем – увидим, сколько пользы принесет мне санатори[й], вреда во всяком случае не причинит; сравнительно с другими больными я воздух переношу гораздо лучше, и в первые две недели в меня столько его накачали, сколько другим за два месяца не рискуют. И на этот раз организм не сдал в своей выносливости, а это лучший признак, значит, он еще не совсем истребался.

С книгой, которую Вы читали, познакомлюсь как-нибудь обязательно. По тому немногому, что Вы мне сообщили о ней, могу сказать, что это вещь вполне заслуживающая доверия. Древняя истина гласит: «Питает человека не то, что он ест, а то, что им усваивается», и жаль, что с этой истиной немногие считаются. О рациональном питании кое-что я знаю, но немного, и

пополнить знание по этому вопросу не лишнее. Холодные обтирания тоже, конечно, не малую роль для здоровья имеют. Могут в этой области сообщить Вам одну интересную деталь, которой, возможно, в прочитанной Вами книге нет: после обтирания (и даже после купания) мокрое тело не вытирать полотенцем, а легонько растереть ладонями собственных же рук и сразу после этого одеться, тело сохнет после этого моментально, и ощущение более приятное, чем после полотенца, но этот способ годен только после холодных обтираний или купаний, после же горячей воды необходимо всегда вытереться насухо полотенцем. Этим и прикончим тему медицинскую; знаете ли, Галя, когда каждый день перед тобою 3 доктора, 1 ассистент, 2 сестры и 4 сиделки торчат, тогда медицина поперек горла становится, когда же белых халатов на горизонте не видно, тогда вопросы медицинские больше заинтересовывают.

<...> Отчасти Сыренец даже благодарить следует, что он предоставляет больше возможностей заглянуть в себя и раскрыть громадную пропасть между тем, что ты думаешь, желаешь – с одной стороны, и что ты делаешь и имеешь – с другой. Разница громадная между этими вещами, и ясное ее осознание причиняет сильную боль, которая усиливается еще от того, что не видишь выхода, как изменить такое положение, но и оставить все по-прежнему – тоже сил нет. При таком столкновении часто допускается нами ошибка – мы вступаем, что ли, в «бой» с повседневностью, но пользуемся в этой битве ее же оружием, т.е. на грубость – отвечаем грубостью, на чужие ошибки – раздражением, которое ничего не исправляет и т.д., но такой способ борьбы приводит лишь к одному – мы сливаемся с окружающим и начинаем жить той же жизнью, которая нас в негодование приводила. Живя между людьми, не следует забывать той истины, что пошлостью пошлость нельзя победить, так же как и зло злом не побеждается. Хорошо сказано апостолом Павлом: «Отойди от зла и сотвори благо»³⁹, – это единственный способ борьбы; если только от зла отойти – никакой борьбы не будет и зло свои плоды принесет, если бороться со злом его же оружием, то часто в результате получается то же зло, но в два раза увеличенное, и только если мы умеем злу противопоставить что-то приносящее благо, только тогда можно сказать, что мы его побеждаем. Таким же образом и пошлости ежедневности надо противопоставлять порывы к жизни настоящей, сознательной и полезной. Самые незначительные порывы, пусть даже не в действии, если последние невозможны, а только в мыслях, имеют уже большее значение. У Толстого сказано: «Случалось ли вам [в] лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше [того места, куда вам нужно]: иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше – жизнь все равно снесет»⁴⁰.

Можно прибавить, что во всех своих действиях следует этим правилом руководиться. Надо в мыслях возвышаться до предельной для нас высоты, надо желать самого лучшего и ставить перед собой самые совершенные идеалы. Пусть ослы из стада человеческого зовут такие идеалы отвлеченностями и успешно доказывают невозможность их осуществления на земле. В последнем они почти правы, – осуществить их удастся на земле

действительно редко, но отвлеченностями от этого они не становятся. Разве не случается, что одна такая «отвлеченная», чистая мысль удерживает человека от падения в весьма реальную грязную яму? Лишь недостижимые маяки в состоянии нас удержать от достижения дна пропасти, достигнуть которого очень легко, но и очень плохо, если это сделано. В реальных-то делах человеческих редко можно найти такой немигающий свет, который не изменил бы тебе в тяжелом положении, все реальные точки опоры на земле начинают подозрительно колебаться, когда ты больше всего в поддержке нуждаешься, и здесь могут помочь только те «абстрактные» идеи, те неосуществимые на земле мысли, которые глупцами зовутся «отвлеченностями». Чтобы не «сплыть» на земле очень низко, необходимо держать направление своих мыслей выше земного, выше всего человеческого, иначе не удержаться – это закон. Поэтому и даны человечеству религии. Бог нимало не нуждается в человеческих почитаниях и славословиях, – они нужны самим людям. Красивые песнопения в храмах и торжественные богослужения не смягчают Божьего сердца, дабы Он око Свое на людей обратил. Божье сердце и без того любвеобильно должно быть, богослужения же должны смягчать сердца человеческие, на этой ниве далеко не все благополучно. Не только религии, но и искусства и наука должны в таком же направлении работать, последней особенно не хватает идей, которые стояли бы выше уровня вопросов чисто утробных. <...>

Павлик

28 августа 1935 г.

Одна из самых моих любимых молитв начинается следующими словами: «Владыко, пошли Волю Твою – или дай или возьми...». До хрипоты горла можно обращаться к небу с этими словами, но все будет без толку до тех пор, покамест не познаешь – что такое Высшая Воля есть. <...> Безусловно, что ни на какие наши требования своей мудрости Высшая Воля нам не откроет и никакие бунты против нее ни к чему нас не приведут. Но значит ли это, что мы должны быть ее покорными рабами? Конечно, нет. Если на земле тупой человеческий ум постепенно понимает низость и подлость рабства, то не на небе нашло оно себе поклонников. «Кто не хочет рассуждать логически – тот ханжа, кто не может – тот глупец, а кто не смеет – тот раб» – но не раб Всевышнего, а раб своих невежественных предрассудков. Разве можно допустить, что Высшая Воля для того на земле проявляется, чтобы только нами, людьми, управлять? Уверен, что если бы эти обязанности ею исполнялись, то не было бы такого хаоса на земле. Да, согласен, что сейчас для нас Высшая Воля является тайной, но не верю, что тайна она потому, что Бог с людишками вздумал поиграть в прятки. Нет, она потому тайна, что мы недостаточно совершенны для ее понимания, и нам необходимо совершенствоваться, дабы ее понять. Вы пишете, что не дано нам Высшую Волю познать. Почему не дано? Для чего же мы обладаем разумом более высоким, чем все другое на земле живущее? Не для того же ведь, чтобы «в поте лица добывать хлеб свой» – для последнего с избытком было бы достаточно муравьиного ума. По-моему, главная цель человечества – готовить себя к познанию Высшей Воли. Покорным и послушным

Высшей Воле надо быть, в этом Вы правы, но нужно знать, чему ты покоряешься, нужно понять всю мудрость ее, сознавать всю ее целесообразность. Приведу маленький, не записанный в Евангелиях отрывок из учения Христа: «В тот же день (срывание колосьев) Иисус, увидев человека, работавшего в субботу, сказал ему: Человек! если ты знаешь, что ты делаешь, – ты блажен; если же не знаешь, то проклят и преступник перед законом».

До тех пор мы принуждены быть рабами своих несовершенных законов, покамест более высшие не познаем, ибо неповиновение первым есть беззаконие, если мы не в состоянии противопоставить им нечто более мудрое. Выбор небольшой остается: или быть рабами своего невежества, или уничтожить это невежество, что возможно лишь путем познания. Если второе признаем за должное, то следует также признать, что Высшая Воля отнюдь не является тайной непознаваемой.

«Хлебу насущному», добытому в поте лица, я бы тоже не отвел такого главного места. Добывать себе хлеб – это условие, в которое поставлены все живущие на земле твари. Добывать хлеб своими руками – значит уметь самостоятельно, без помощи других в этих земных условиях жить. Добыча хлеба – фон, на котором вся земная жизнь происходит. Другие задачи поставлены перед человечеством, но они должны быть выполнены в этих условиях – самостоятельной добычи себе хлеба. Условия, конечно, должны быть соблюдены, но смешивать условия с задачей нельзя. Первое – белая пустая канва, второе – узор, который по этой канве должен быть выведен. Как можно проще следовало бы смотреть на добычу хлеба и по возможности облегчить его добывание. Погоня за хлебом много зла натворила. Одни его употребляют в пищу густо намазанным с двух сторон сливочным маслом, другие же черствые корки сосут. У одних гниют незаполненные запасы канвы, другие должны обрывать свой узор из-за ее недостатка. А главное-то и есть узор, творчество – но без канвы его не может быть. Неправильно Вы меня поняли, когда я говорил о «часе своем». «Своим часом» или назначением я не могу признать тот способ, которым добывается мною хлеб насущный. Влияние на окружающую людей обстановку не есть выполнение назначения. Архитекторы, строящие небоскребы, инженеры, изобретающие различные машины, и другие тому подобные люди, нашедшие на земле «свое дело», ошибаются, если думают, что этим «своим делом» они выполняют свое назначение. Назначение человека выше должно стоять. Уметь переделывать себя и себе подобных к лучшему – значит исполнять назначение, достойное человека. Многие говорят о вечной жизни, но готовят к этой вечной жизни различные машины, элеваторы, автомобили и т.п., а не сынов человеческих, хотя и имеют возможность делать последнее. Знаете – в Евангелии, когда Христос впервые увидел своих будущих учеников вытягивающими сети с рыбой, Он им сказал – идите за мною, впредь вы будете ловить человеков. В одной восточной книге сказано про Христа: «Тридцать лет ходил Он, повторяя, чтоб отдать тем, кто не примет. Учение Будды, Зороастра и старые сказания Вед узнавал Он на скрещении путей. <...> Он хотел знать решение, но азбука Его не привлекала. «Не тем люди

живут. Как могу прекратить губительную бурю? Как могу открыть небо людям?» «Почему они оторваны от Бытия вечного, к которому принадлежат?» <...> Мы знали многое, Он же мог все»⁴¹. Так записано о Христе Его восточными учителями. Не в пример им – мы мало знаем, но столько все-таки знать должны, что «не хлебом единым жив человек» и не аэропланами небо открывается. Ключи к сердцам человеческим надо иметь, дабы пользу приносить человечеству.

Познание самих себя тоже еще не все открывает, зная свои недостатки, что правильнее делать – строить свои идеалы, согласуясь со своими слабостями, или строить идеалы, которые должны способствовать уничтожению этих слабостей? Последнее опять-таки вернее. Не истину следует к себе приспособлять, а наоборот – себя переделывать по идеалам истины. Не так-то просто с «часом своим» дело обстоит, и ненайденным он у большинства людей остается. <...>

Всего наилучшего. Толе привет.

Павлик

7 октября 1935 г.

Письмо без длинного предисловия и без указания причин, благодаря которым оно было написано. Письмо почти не от меня, а так – из пространства. Представьте себе, что на конверте стоит штемпель не «Tallinn», а «пространство». Можете его даже не относить к числу писем – просто некоторые мысли некоего человека о жизни, смерти и других тому подобных вещах. Безусловно, не прошу Вас все написанное принимать за истину, ибо доказать Вам истинность всего этого я не в состоянии. Буду писать о том, что предполагаю я, а не о том, что думаете и видите Вы. В своих предположениях зайду, возможно, довольно далеко. Считаю вправе это делать, потому что сведения, на которые я опираюсь, не взяты мною на слепую веру, а точно взвешены и проверены, несмотря на кажущуюся невозможность их проверить. Эти мысли порождены не плохо сдерживаемой фантазией, не утешением о кратковременности жизни, а жаждой уловить смысл жизни. Они также, конечно, не из пальца высосаны, мог бы Вам указать на некоторые источники, где взяли мои мысли себе начало, но источники эти слишком многочисленны, чтобы их перечислять, и поэтому сейчас все написанное возьму на свою же ответственность. Начну с вечного вопроса: «Что будет с нами после смерти?». Чтобы ответить на этот вопрос, предварительно разделю человека на 3 составные части (их на самом деле больше, а именно – 7, но для простоты постараюсь обойтись тремя основными), они таковы: I – тело физическое, существование которого доказывать не надо. II – тело астральное, или тело желаний, состоящее, так же как и физическое, из материи, но материи более тонкой, которую в науке называют «эфиром». Существование этого астрального тела, если захотите, смогу Вам доказать путями вполне научными и всеми признаваемыми. И, наконец, III – тело духовное, существование которого доказать Вам, как дважды два четыре, не берусь, хотя сам себе и могу доказать его ясно. Тело физическое местом своего существования имеет наш материальный мир, или будем называть его, как некоторыми принято, «планом», и подчинено

законам трех измерений. Тело астральное находится в плане тонкой материи («эфира»). Тонкая материя, где астральное тело находит место своего проявления, не есть какая-то географическая область, она существует здесь же, в нас самих, и проникает [в] нас. Научно могу дать такое объяснение: от 16 до 35 000 вибраций в секунду нашей материи дают звук, от 1 040 000 и (до 1.000.000.000.000) вибраций в секунду дают электричество, от 1.125.000.000.000.000 до 36.030.000.000.000.000 вибраций в секунду дают теплота и свет. Цифры – астрономические, но и им предела поставить нельзя. Тонкая материя как раз и есть то, что находится в вибрациях за пределами этих цифр и между ними. По мнению многих, уже в области электричества вибрирующая материя представляет собою астрал, т.е. из грубой материи переходит в тонкую и живет по законам 4-х измерений, о которых говорит такой большой ученый, как Эйнштейн. Действительно, для некоторых родов т.н. электричества уже не существует таких понятий времени и пространства, с которыми поминутно сталкиваемся мы. Например, радио. Оно по нашим масштабам распространяется мгновенно, и препятствия из грубой материи им преодолеваются, оно как бы проходит сквозь них. Такими же качествами обладает и тело астральное. О качествах тела духовного распространяться не буду, я сам слишком мало о них знаю и своими смутными понятиями не хочу запутывать Вас. Повторяю – составною частью человека является и астрал, следовательно, человек есть не только комбинация материи грубой, но и комбинация материи тонкой, и он обладает качествами как первой, так и второй. Почему же мы не находим их в себе? Очень просто <...>. Мы не научились еще владеть грубой материей в совершенстве, не то что владеть тонкой, законы которой гораздо сложнее. Есть люди, которые их постигают, все «чудеса» Библии, Евангелия и других священных книг есть не что иное, как действия, производимые силой тонкой материи. В оккультизме, спиритизме и т.п. пользуются теми же самыми силами. К овладению этими силами человечество когда-нибудь и придет, они есть достояние будущего, и наша задача – сделать себя достойными их восприятия. Но я хотел говорить о смерти. Когда наше физическое тело настолько разрушится, что перестанет быть годным для выполнения своих функций, астрал покидает его и наступает физическая смерть – тело разлагается на свои составные элементы, и сознание человека целиком переходит в план астральный. В мире бытия ничто не пропадает, ничто не погружается в небытие, потому что такового не существует, и как не пропадает материя грубая, так не пропадает сознание, т.е. материя тонкого порядка. Однако наше сознание, попадая исключительно в план астральный, в очень для себя неблагоприятном положении оказывается. Плохо бывает человеку, который на земле был рабом своих страстей. Тело астрала, как я уже говорил, является телом человеческих желаний. Смерть рвет связь между желанием и тем аппаратом, посредством которого желания осуществлялись. Желание физических удовольствий в сознании остается, но органов, удовлетворяющих эти желания, больше нет, и сознание испытывает неопишемые мучения, не находя возможности больше осуществлять свои

желания. Вот почему все учения предостерегают людей не увлекаться земными удовольствиями, если ты становишься их рабом – они жестоко отомстят тебе. Много доверено человеку, чтобы он мог сделать свою жизнь на земле действительно прекрасной, и много спросится с него, если он злоупотребил таким доверием. Нужно воспитывать в себе на земле чувство ответственности не только за каждое свое действие, но и за каждую свою мысль. То, что делают наши действия на плане земном, то же самое делают и наши мысли на плане тонкой материи. Все наши мысли проектируются в астральном мире, при жизни нам кажется, что мы с ними мало сталкиваемся, хотя это неправда, после смерти же мы сталкиваемся с ними лицом к лицу и сами приходим в ужас от того хаоса, какой они из себя представляют. Влияние их в нашей земной жизни тоже можно проследить. Как трудно иногда бывает отделаться от дурных желаний, дурных привычек, несмотря на то, что весь вред их мы сознаем. Дело в том, что, вызывая к жизни какое-либо желание, мы тем самым создаем его прототип в мире тонкой материи, и это рожденное нами тело желания всегда будет стараться себя через нас проявить, только усилием воли над собой можно от его преследований избавиться, разрушить созданное по незнанию, в противном случае оно целиком может нами завладеть. Еще с одной стороны угрожает нам опасность. Существует закон, по которому мысли одного направления взаимно притягиваются, так что, имея в себе какую-либо дурную мысль, мы тем самым открываем к себе доступ посторонним таким же мыслям. А их очень много в пространстве, нас окружающем. В тонком мире, который здесь же, около нас, находятся как мысли живущих, так и астральные образы людей, физическую оболочку уже покинувших. Последние особенно опасны. Они мучаются невозможностью проявить себя в материальном мире и ищут средства, как бы добиться своих целей. Часто случается, что такое астральное желание входит в живого человека и действует им, как своим телом. В человека вселяется «бес», по выражению древности. Примеров тому много. Самый распространенный – пьянство. Сознание, отуманенное алкоголем, не в состоянии ограждать себя от влияния чужих мыслей и желаний, и эти последние набрасываются на него, особенно если находят тождественные себе элементы. Пьяный человек способен на то, что в трезвом виде он никогда не допустил бы. Алкоголь отдает наши тела не только своей, часто небольшой и скрываемой хорошо мерзости, но и посторонней, на которую мы в трезвом виде с омерзением смотрим. Во всех других случаях потери сознания может получиться то же самое. Небольшое сотрясение мозга грозит плохими последствиями. Как только мы теряем способность владеть собою, так сразу на нас набрасываются чужие уродливые желания. Обезопасить себя от них можно лишь чистыми мыслями, поэтому молитва имеет большое значение, не Бог в ней нуждается, а мы сами, потому что чистая сильная мысль действительно «избавляет нас от лукавого». Но вернемся опять к смерти, я слишком привык думать о ней так же, как и о жизни, и поэтому сбиваюсь все время с одного на другое. Смерть ставит нас в новые условия, условия четырех измерений, мы входим в мир мысли, для которого время и пространство – не есть

препятствие, но вместе с тем мы входим и в тот мир ужасов, который мыслью человеческой был создан. В астральном мире все человеческие мысли находят себе осуществление. Наше сознание, или наша душа, как ее называют, должна в этом мире мысли, т.е. тонкой материи, также обогатить свой опыт, как и на плане земном; когда это достигнуто, астрал так же разрушается, как и физическое тело. И наша душа переходит в мир духовный, где находит себе применение творчество сознательное. Узнав там, что следует, и обогащенная опытом трех планов, душа снова воплощается на земле для приобретения здесь нового опыта и для искупления старых ошибок. Для чего все это нужно? Для выполнения цели, поставленной человечеству. Цель эта есть одухотворение трубой материи, требуется стереть слишком резкие границы между духовным и материальным. Где всему этому начало и где конец? Вот вопрос, который часто задается людьми. Это самый глупый и несостоятельный вопрос, не задавайте мне его никогда. Смешно, когда человек, на языке которого часто вертится слово «бесконечность», спрашивает о начале. У древних мудрецов, которые обладали гораздо большими знаниями, чем мудрецы современные, не было ни идеи, ни имени, ни символа Первопричины, ибо они лучше нас знали, что такое есть Бытие. Нашего человеческого разума хватает лишь на то, чтобы понять разумность и приемлемость для себя той задачи, которая непосредственно на земле перед человечеством поставлена. Вполне достаточно, если человек сознательно приобщается к плану работы, которая ставит себе целью развитие и улучшение рода человеческого. Смешно и грустно становится, когда человек, не осознав необходимости этой работы, спрашивает: «Для чего создана вселенная?!» Попробуйте объяснить своей корове – для чего люди посещают агрономический факультет Юрьевского Университета. Если Вам это удастся, то можете возроптать на Бога, почему он Вам не открывает «тайну» создания вселенной. Достаточно много уже открыто людям, и, руковод[ству]ясь этими откровениями, человек может сделать каждый час своего земного существования прекрасным, полезным и полным значения, как для себя, так и для других. Так может быть и так должно быть, но посмотрите, что есть: вступаем мы в жизнь в расцвете сил и молодости, тратим эти дары или на бесплодные мечтания, или на кратковременные чувственные удовольствия. А года идут. Нам не чужды красота подвига, героизм, величие любви. Мы умиляемся пасхальным звоном, утираем слезы умиления, вызванные песнопением «Христос воскрес...», приходим домой, проклиная всех и вся из-за того, что кулич подгорел, злимся на то, что кто-то вовремя не выгладил какой-то там галстук или кружевной воротничок, кипятимся, торопимся к кому-нибудь в гости, чтобы наесться и напиться. А что Христос-то распят был на самом деле – не чувствуем. А года идут. Нас вдохновляют строчки красивых стихов, мы блаженствуем, слушая музыку, обманываем друг друга в погоне за «тепленьким местечком» и, размешивая за чаем сахар в стакане, говорим о войне в Абиссинии⁴². Года же все идут. Мы любим, зажигаемся любовью и... делаем из нее либо кислое воздыхание, либо мерзость блуда. Мы «живем». А года уходят. Закрадывается в душу тоска, спохватываемся, что мы не

жили «полной жизнью», что лишь маленькая часть желаний нашего тела, нашего разума, наших мечтаний исполнилась. Трагедия! Трагедия, черт возьми! «В этот миг душа его желала бы Невозвратное вернуть»⁴³.

Где рука, пожатие которой когда-то вызвало сладкий трепет? Где губы, поцелуй которых заставлял забывать весь мир? Они маячат в туманной дали минувших лет. А года все-таки еще куда-то идут! Трагедия! Вернуть эти уходящие года! А спросим – что вернуть? Подгорелый кулич вернуть? Неглаженный воротничок? Слезы умиления? Руку, которая, кроме трепета, была способна создавать лишь комбинацию из трех пальцев? Вернуть те чудесные мгновения, которые всегда рисковали превратиться в отвращение, коли «мгновение» слишком злоупотребляло временем? Зачем все это вернуть? Уж не для того ли, чтобы оно снова когда-нибудь стало минувшим? Или, может быть, для того, дабы настолько всем пресытиться, чтоб сплошное отвращение осталось за спиной, без единой светлой радости, к которой вернуться осталось бы желание? Эх, Галя, не трагедия-то выходит, а глупость, наша собственная глупость, которую нам самим же и преодолеть нужно. Не плакать о годах уходящих следует, а познавать всю жизнь, заключенную в них. Для приобретения знаний мы здесь находимся, и чувства человеческие не будут киснуть, если станут на знания опираться. «Любить – значит прощать. Прощать – значит понять. Понять – значит знать. Знать – значит приблизиться к порогу Мудрости»⁴⁴, – так сказано о чувстве, воспеваемом на все лады земными поэтами, и поэты просто красиво врут, если говорят иное.

Живя на земле земными чувствами, нельзя забывать, что ты находишься в великом доме Бытия и призван быть одним из его строителей, что каждое твоё действие, каждая твоя мысль есть кирпич для кладки стен этого здания. Если ты не уверен в его доброкачественности – воздержись употребить его на постройку. Плохо сложенная стена на тебя же и свалится обязательно и в добавок еще кого-нибудь пришибет. Все в тесной связи находится, все зависят друг от друга. Тот, Кого мы называем Богом, Кого оккультисты зовут «планетным духом», кому молятся как Отцу Небесному, чье Имя люди, далеко от нас вперед ушедшие, называют «Неизреченным», поручился за вызванную Им жизнь. И каждый наш проступок есть измена тому Высочайшему, которого мы не можем даже объять своим умом. Наша душа есть часть Его души, и, губя свою душу, мы становимся предателями великого плана для всего на земле живущего, который предначертан как необходимое прохождение к существованию более полному и осмысленному, чем наше теперешнее. Предположим, что вручил Вам кто-то такой дар, благодаря которому Вы сами и вручивший Вам его можете счастливо жить. Утеря этого дара повлечет за собою как Вашу, так и его смерть. Можно ли будет жизнью пожертвовать, этот дар охраняя? Надеюсь, сочтете уместной сию жертву. Так вот жизнь-то наша, данная нам, есть не что иное, как такой дар, и мы покрываем себя несмываемым позором, если по должному ее не используем. И жизнь следует понимать не только как время, проведенное нами между рождением и смертью на земле. После смерти продолжается такая же жизнь, такая же борьба, лишь в других

условиях происходящая. «Бог не есть Бог мертвых, а [Бог] живых»⁴⁵. Земной опыт имеет решающее значение потому, что здесь материя особенно плотна и дух должен разворачивать все свои индивидуальные творческие силы, дабы ею овладеть. Кто мелко будет плавать на земле, тот не сможет высоко подняться и на небе. Таков закон. Этот же закон гласит, что все живущее в намеченных ему масштабах и к назначенному сроку должно выполнить тот план, для выполнения которого оно к жизни было вызвано. План Владык Иерархии должен быть выполнен. Горе тому, кто идет против него, тьма, идущая против Света, забывает, что без последнего и она не может существовать. То, что мы называем дьяволом, должно превратиться в то, что нами зовется Богом, ибо одна и та же сила творит и разрушает. Требуется ее направить только на творчество. Если это не будет достигнуто, наступит Последний конец. Человечество уничтожит и себя, и своего Бога. Все страдания наши, испытанные в достижении теперешней степени развития нашего, пойдут насмарку. Действительность превратится опять в возможности. Когда-нибудь эти возможности и будут опять вызваны к жизни, но цепь развития им придется начинать плест[и] с начала. Так говорит закон. Можно верить ему, можно нет. Чужая воля для Закона – священна. «Заповедь сия, которую Я заповедую тебе сегодня, – говорит Господь, – не недоступна для тебя и не далека. Она не на небе, чтобы можно было говорить: «Кто взошел бы для нас на небо и принес бы ее нам?» Но весьма близко к тебе слово сие: оно в устах твоих и в сердце твоём, чтобы исполнять его... Небо и землю призываю сегодня перед вами во свидетели: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь...»⁴⁶

Насилия, как видите, нет в Законе, есть свободный выбор, и в этой свободе – вся красота и смысл человеческой жизни. Этим и кончу свое сегодняшнее письмо. Боюсь, что начинаю злоупотреблять перепиской. Сваливаю на Вас много сырого материала, требующего времени и желания, чтобы продумать его. В таком виде, как я Вам его преподношу, тяжело его принять. Но видите, Галя, для меня тоже чужая воля священна. По своему выбору можете принять некоторые мои мысли и, продумав их собственным разумом, сделать их своими. Я не хочу Вам навязывать своих идей, своих теорий, как бы полезными я их не считал, они все-таки ничего Вам не дадут, если Вы их сами предварительно не продумаете и не сделаете их настолько же своими, насколько сейчас они мои. «Толкать» других я себе позволяю, и здорово толкать иногда, но не больше.

Всего же хорошего Вам.

Павлик

5 ноября 1935 г.

<...> А о молитве Кому-нибудь (уже с большой буквы) – писать сейчас не берусь. Подумать надо. Я лично без молитвы жить не могу, мне она нужна, нужна каждый день, каких-нибудь 3 минуты сосредоточения, глубокого раздумья, утверждения себя [в] сущем – дают больше, чем все учения мудрецов. Но я никогда не молюсь своему бессилию. Я молюсь Вечной Силе, создающей миры, могу молиться той частице этого Огня, которая и

во мне заложена, а бессилие?.. Бессилие ничего не создало. Зачем ему молиться? <...> Жизни можно радоваться. Можно, и следует даже, находить радость и в тех буднях, в тех мелочах, которые засасывают нас и от которых рано или поздно необходимо будет отказаться. Красота во всем – и в вечном, и во временном, и в древней, от ошибок веками забронированной мудрости, и в ошибочных чувствах, продолжительность которых – одна весна. Красота и стремление к ней многое оправдывают. Один красивый аккорд, в котором звучание, искренность и искания души чувствуются, тяжелее на весах справедливости, чем года аскетической жизни ради овладения какими-нибудь способностями духа. Поэтому не верьте в свои плохие качества, как бы много их ни было, а верьте только в хорошие, как бы мало их ни находили, – лишь они правильны, другое – ложно. И я тоже прав, если на них базируюсь. <...>

Всего хорошего.

Павлик

18 декабря 1935 г.

<...> А вот Вы насчет музыки писали. Хорошее дело музыка, люблю ее, только плоховато ее знаю. Одно обидно – обманывает она меня почти всегда. Вслушаешься – зовет, зовет куда-то, что-то нарастает в душе, ждешь – вот, вот – сейчас для всего накопившегося откроется выход, последний аккорд объяснит все и успокоит. Но последний аккорд обыкновенно ничего не объясняет. Или он обращается в отступление и кончает тем, с чего начал, т.е. снова тихонько зовет и заманивает, или неожиданно обрывается, падает убитый, как подстреленная на лету птица. И хочется взять какую-нибудь стеклянную вещь и разбить ее о клавиши инструмента – авось последний аккорд удастся и удовлетворит накопившиеся, не находящие себе выхода чувства. Да, зовет музыка, зовет и тревожит – в этом ее хорошее качество, и не приводит никуда, не успокаивает – в этом, пожалуй, ее еще лучшее качество. Надо нас звать и тревожить. Что будет, если мы здесь на земле успокоимся? Мерзость запустения будет, смерть, хуже смерти – самодовольный сон живых трупов. Поэтому я музыку и люблю, хоть и обманывает она, хоть и обидно за эти обманы, но иначе нельзя. Нельзя без музыки жить. Окрасить природу в однообразный серенький мертвецкий цвет или лишить ее музыки – одно и то же. <...> Всего наилучшего. Пишите.

Павлик

22 декабря 1935 г.

Усаживаюсь поудобнее за свой стол. У меня теперь – громадный стол, и на нем в порядке (по мнению моей мамы, впрочем, – в беспорядке) расположены всякие мои записки и книги. И, кажется, здесь, за своим столом, лучше всего я себя чувствую. Ходил сейчас в город прогуляться. Заметно предпраздничное, или уже праздничное, настроение. Толпами идет народ. Улицы покрыты белым, только что налетевшим, снегом. Но скучно, Галя, ой как скучно среди этой снующей и куда-то торопящейся толпы. Глазят люди у витрин, восторгаются разными вертящимися штуками и ажурными чулочками. Ну куда, спрашивается, зимой ажурные чулочки? Не

понимаю! Когда спускался с лестницы на Харью улицу (а здорово вышло – Харья улица! Сейчас только обратил внимание на такой «дословный» перевод), подумал – вот стоят большие дома, возносят гордо свои трубы к небу, а вот между домами толкуются люди. Ведь это они – человеки, «венцы творенья» – воздвигнули сии постройки, а разве они являются хозяевами их? Нет – они рабы своих творений. Рабы этих больших домов, этих вертящихся штук в витринах, этих ажурных чулочек. «Что – трамвай для человека или человек для трамвая созданы? Это же понимать надо!», – сказал как-то Зоценко. Серьезный все-таки Зоценко писатель. За его ломаниями и смешками много жуткой правды находится. Когда я вглядываюсь в толпу, – мне всегда вспоминаются эти слова, всегда задаешь себе вопрос – кто же и для кого создан. Судя по внешнему виду – так человек для трамвая. И грустно становится. Ну почему люди продали себя в рабство трамваю? Такие невеселые мысли меня каждый раз посещают при прогулках по городу. В деревне лучше. Хотя вряд [ли] – в Сыренце. Мне хотелось бы куда-нибудь в глушь забраться на пару лет, захватить с собою побольше книг и встречать поменьше людей. Одиночество и аскетизм, конечно, я не проповедую и не исповедую, наоборот, скорее. Но для того, чтобы окрепнуть хорошенько, определенный срок одиночества необходим, надо закалить себя так, чтобы люди тебе не мешали и не сбивали бы тебя на каждом шагу, когда это достигнется – иди к людям, исполняй свою обязанность по отношению к ним, а не достигнувши власти над собой, тяжело жить среди людей, и никакой пользы нет ни тебе, ни другим от твоей шатающейся походки среди слепых. Правильно сказано в одной из индийских книг: «До того, как помогать миру, надо увидеть Бога». А тут, глядишь, тысячи «спасителей человечества» предлагают помощь погибающему человечеству, а сами, как флюгарка на ветру, вертятся. Но хватит «пессимизма». К тому же и нет его у меня, особенно когда я за свой стол усядусь. В сторону уходят снующие без толку люди. Все до времени. Пускай себе снуют – один раз надоеет это занятие. Таков мудрый закон природы – что не необходимо человеку, то рано или поздно надоеет до отвращения, как бы привлекательно оно ни было, и лишь то, что необходимо, не надоедает.

Большой перерыв. Помешали писать нагрянувшие внезапно знакомые. Потом спать лег. Сейчас пятый час утра. Проснулся в половине четвертого и знаете, что делал?.. Стих писал. Это моя болезнь – один стих в году я должен обязательно написать. И вот уж несколько дней страдал, тема была, мучился я мучился – не написать, хоть ты лопни. Ни с какой стороны я не поэт, и стих для меня писать, что дрова колоть – последнее даже легче. А тут вдруг проснулся и написал. На радостях посылаю его Вам. Хорошего в нем, правда, немного найти можно, к тому же он только сейчас написан, и всех ошибок заметить сразу нельзя. Но мысль-то как раз подходящая к письму, и приведу Вам этот стих как доказательство ненужности одиночества, когда нет в том нужды. Итак, начинаю. Прошу не критиковать строго – не забудьте, что не поэт я, не был никогда поэтом и не буду.

Не пой священных гимнов, жрец,
 В уединенном темном храме,
 Не славословь, седой мудрец,
 Величье Бога в сером камне.

Открой глаза, прозри на миг,
 Гляди на жертвенник святой –
 На нем лишь пыль истлевших книг,
 А Бога нет перед тобой.

Он там, где пахарь за сохой
 Идет в поту с мечтой о восходах;
 Пойми – не дремлет Бог живой
 В мертвящем склепе темных сводов.

Освобожденья жаждешь ты?
 Не обрести его, поверь.
 И мезтью попраиной мечты
 Закована к свободе дверь.

В миру, отвергнутом тобой,
 Не заходя в твою обитель,
 Сковав себя земной мечтой,
 Идет, как раб, Освободитель.
 А теперь – спать дальше. Завтра [дел] много.

Павлик

24 декабря 1935 г.

<...> Посылаю Вам свой доклад о Канте, хоть на то согласия Вашего получено и не было, но рискую и без согласия. Прошло у меня чтение довольно хорошо, можно быть довольным, немногочисленную публику удалось разговорить и заинтересовать. То, что я Вам посылаю, только само ядро доклада, к нему же было еще предисловие и послесловие, но они не записаны, и, что, конечно, самое важное – были вопросы с мест и вообще разговоры на затронутые темы, разговоры эти показали, что доклад слушателями воспринят и усвоен. Был на докладе и один заправский философ, заявился он с целью «разнести» меня на все корки, ибо предполагал, что я в своем докладе, как это часто делается, буду говорить или очень «за» Канта, или очень «против». <...> Но спасает меня в философии интуиция. Знаний мало, и слишком отрывочны они, но интуиция, похваляюсь, замечательная, и она помогла мне значение Кантовской философии обрисовать так, где совершенно неважно – «прав ли Кант или не прав», потому что важным является не разрешить проблему, а правильно ее к разрешению поставить, и, конечно, Кант это сделал, как последователи, так и противники Канта этой заслуги отнять [у] него не могут. Такой постановкой дела удалось мне заправского философа расшевелить, разошелся человек, к удовольствию слушателей, по всей философии, и,

кажется, уговорили его в следующий раз читать о Гегеле, я торопился на работу, и до конца собрания мне быть не пришлось. Это мне больше всего по сердцу, о Гегеле мне очень хочется послушать, но если заправский философ о Гегеле читать не будет, то, вместо того чтобы слушать, мне самому придется о Гегеле писать, т.к. после Канта слушатели обязательно пожелали узнать о Гегеле, что и правильно, одним Кантом ограничиться нельзя, Кант дал сильный толчок, но к чему этот толчок привел, можно узнать только из последующей ему философии. И для меня самого гораздо полезнее эту философию изучать, чем других учить. Приходится по необходимости другой раз «проповедником» становиться, желания же у меня к тому никакого, рановато еще, самому учиться надо, а тут берись людей учить. <...>

Всего наилучшего. Поклон Толе передайте и пишите.

Павлик

30 декабря 1935 г.

<...> Ведь мысль, Галя, это та же музыка, даже больше, потому что не достижимы для музыки те высоты, куда мысль может взвиться, на музыкальном инструменте ограничено количество клавиш, и этого ограничения не знает мысль. Орлиные полеты даны мысли. Знаете стихотворение] Гумилева «Орел»? Оно начинается так:

Орел летел все выше и вперед,
К Престолу Сил сквозь звездные преддверья,
И был прекрасен царственный полет,
И лоснились коричневые перья.

Летел орел, летел все выше и выше к солнцу и, задохнувшись от блаженства, умер. Он умер, но упасть он больше не мог, потому что был не доступен уже силам земного притяженья. И стих кончается:

Лучами был пронизан небосвод,
Божественно–холодными лучами.
Не зная тленья, он летел вперед,
Смотрел на звезды мертвыми очами.

Не раз в бездонность рушились миры,
Не раз труба Архангела трубила.
Но не была добычей для игры
Его великолепная могила.

Из всего на земле существующего только мысли человеческой даны возможности для столь высоких полетов, только мысль соприкасается с Вечным наше бренное здесь существование, как же после этого мысль не любить? Какая же после этого земная жертва будет для нее достаточно великой? Какое земное одеяние достаточно прекрасным? Нет, нельзя не любить мысль! Все ее падения только доказывают, что действительно с

большой высоты она сорвалась, если способна так низко пасть, и на возведение ее на подобающие ей высоты следует употреблять все силы. А теперь все-таки лягу спать, завтра допишу письмо, а то уж поздновато – 4-й час, покамест мысль находится в нашем теле, приходится заботиться, чтобы ее жилище в должном порядке и состоянии находилось, а я-то, грешный человек, и маловато об этом забочусь.

С Новым Годом, Галя, имею честь поздравить. 1936-й начинаю письмом к Вам. Держитесь крепче! Плохо придется Вам в этом году от моих писем, забросаю Вас ими, как снегом, ведь, говорят, что примета такая есть – что под Новый Год делаешь, то и целый год делать будешь. Этой примете верить можно. Вот уже четвертый Новый Год встречаю я за своим письменным столом со своими книгами и записками – и действительно в промежутках много философией занимался. Но это первый Новый Год, который я встречаю трезвым, последний раз пил год тому назад, к 12-ти часам был уже в хорошем «взводе», но это мне не мешало думать, с 12-ти до 5-ти сидел и проверял свои философские знания. Это было год тому назад. Сравнил свое тогдашнее мировоззрение и кругозор с теперешним. Могу быть довольным ушедшим годом. Многие удалось переменить и дополнить. Дай Бог, чтобы дальше так же шло. Плохо, когда горизонты заволакиваются густыми тучами, и думаешь – дальше нет ничего, а между тем – стоит только тучи с места сдвинуть – и новые невиданные до сих пор дали открываются. <...>

Да, можете меня поздравить, Галя, раскачался сегодня – в театр ходил. Ведь как последний раз с Вами был, так с тех пор и не собраться было, а сегодня отправился «Марицу» слушать. В общем ничего. Постановка даже, можно сказать, – хорошая. Благодаря вертящейся сцене удачно и красиво удалось разрешить проблему перемены картин. Сцена вертится по ходу пьесы, и артисты переходят из одной обстановки в другую, как из комнаты в комнату. Довольно эффектно получается. Но певцов в «Эстони» все-таки нет. Да и артистов мало. Женские роли – туда-сюда. Мильви Лайд иногда даже хороша бывает, но мужские роли – тихий ужас. Исключительно только типично комические роли удаются, всех же «первых любовников» с успехом можно заменить первопопавшимися сапожниками. Не знаю, когда теперь опять попаду в театр. Думаю, что перерыв будет большим, – попробую подождать, кто кого переживет, я ли Сави или Сави меня. Если мне будет суждено Сави пережить, то сразу же, в день его смерти, отправлюсь в «Эстонию». С удовольствием прослушаю какую-нибудь оперетку без его вмешательства по ходу действий.

А теперь кончаю и заваливаюсь спать. Благодарю еще раз за книгу и пожелаю еще раз счастья и исполнения всех Ваших желаний в новом наступающем году. Надеюсь, что удастся нам в этом году лично встретиться и поговорить – ведь Вы так мало изволите писать о себе, что все тяжелее и тяжелее мне становится поддерживать с Вами связь и угадывать Ваши душевные настроения и направления. Хотелось бы посмотреть, какие перемены в Вас произошли за истекший год. Как встречу с Вами, так

уоставлюсь на Вас и буду смотреть минут пять без перерыва, чтобы ничего не пропустить. Толе поклон передайте.

Павлик

9 января 1936 г.

<...> Сперва только пару слов о Гумилеве. Очень рад, что он Вам понравился. Это один из моих любимейших поэтов, я от него в восхищении и бесчисленное количество раз могу его перечитывать. Сила его стиха – изумительна, и темы он берет какие-то сверхчеловеческие, космологические, что ли, и, может быть, именно потому мелкие человеческие страстишки и страдания в его изложении приобретают характер грандиозного. Гумилев никогда не плачет сентиментальными слезами, не сетует на житейские неприятности, столь обильные на путях каждого человека. Тоска и печаль Гумилева величественны и торжественны, потому что они не только его печаль и тоска, но являются таковыми и для всего человечества. В том месте, где многие поэты не упустили бы случая поплакаться о горемычном житье-бытье, Гумилев чеканит:

Чрез дымный луг, и хмурый лес,
И угрожающее море
Бредет с копьем наперевес
Мое чудовищное горе⁴⁷.

Обязательно советую Вам с Гумилевым познакомиться. Если не удастся Вам достать его книг (их, кажется, не очень-то много тут), могу Вам несколько стихов послать. А теперь уж заодно и о своем стихе напишу. Стихотворные его достоинства, конечно, никудашны, а насчет мысли постараюсь Вам дать маленькое объяснение. Безусловно, Вы совершенно правы, утверждая, что потребность славословить Бога не может быть осуждаема. Но славословие отреченного от мира, который отрекся ради достижения для себя лично спасения и освобождения, такое славословие никому не нужно. Храм как место славословия – лишь временный этап, и то, что люди славословят Бога в храмах и забывают Его в жизни – плохо. Может быть, Вы помните – Вы видели у меня репродукцию Рериха «Покровительница Культуры»⁴⁸? Она изображает Богоматерь с эмблемой мира, скрывающую своим покрывалом храмы. Вы еще спросили: «Но ведь не только же церкви есть культура?».

Совершенно правильно. Церкви иногда бывают даже меньше всего культурой. Но в такой передаче Рериха скрывается следующий символ: всякая отрасль культуры должна быть священна. В подходе к разрешению научных, общественных, воспитательных, социальных и других проблем должны быть такие же торжественность, Бого-славие, чувства ответственности и служения Вечному, как и в храмовых молитвах. Всякое дело культуры, совершаемое вне храма, не может не быть Богослужением. Нет нужды поэтому замыкать своего Бога в храм за семью замками, когда вся земля может быть храмом, если в ней дела Божии творятся. <...>

Вот я Вам как-нибудь соберусь рассказать о русском философе Федорове. Это был замечательнейший человек, и говорю наперед, что его философия Вам понравится. У него исключительно философия дела, а не умственных заковырок, которые нередко вытекают в форму гимнастики ума без практического значения. В этом грехе и Кант несколько замешан. Федоров совершенная ему противоположность и стоит как человек и философ на недостижимой высоте. Достоевский, Толстой, Соловьев и многие другие русские писатели обязаны Федорову – все они черпали идеи из его гениального ума. Но, как и большинство гениев, в свое время Федоров остался непризнанным, и только теперь о нем заговорили как русские, так и Западная Европа. Даже в современной Советской] России идеи Федорова, правда инкогнито (без упоминания его имени), проповедаются все-таки самими правительственными кругами.

10 января 1936 г.

<...> Чувства – святые явления, приглушать их не следует, только помнить надо, что у чувств нет глаз, они слепы, и вручать слепому свою судьбу нельзя. Надо учиться управлять чувствами, и краски их от этого не блекнут, не превращаются они под руководством разума в скучную прозу, по-прежнему и страдать, и радоваться заставляют, но не способны уже бросать нас по собственному капризу куда им угодно. Слов нет, что хорошо на крыльях чувств летать, но ведь, направляя чувства по собственным желанием, мы не обрезаем им крылья и вместе с тем гарантируем себя от низких посадок после [высших] полетов. Недалеко я ушел еще в овладении своими чувствами, но уже не скажу, как Вы, что боюсь с их стороны неприятных сюрпризов. Сажусь, правда, в лужу нередко, потому что сила воли еще недостаточно выработана, но, как бы ни сел, все равно знаю, что вылезу, и не беспокойство и отчаяние, а только недовольство собою остается в результате. Во всем свое хорошее и польза. Ну, всего наилучшего покамест. Пишите, как в Евве живете и как после Сыренца нравится. Поклоны от меня Гансику, Вале и Рейну передайте.

Павлик

24 января 1936 г.

<...> Между прочим, об этом злополучном ближайшем будущем думаю со страхом и трепетом, – взвалил на свои плечи такие обязанности, что косточки потрескивают. Во-первых, 3 февраля в Русском Литературном] Кружке⁴⁹ состоится живая газета. Поручили мне писать передовицу. Вообще, передовица для газеты – дело плевое, занять публику на 10-15 минут какой-нибудь простой темой – не ахти какой труд. Но для меня темы, кажется, самим чертом в аду выдумывают[ся]. Так и [на] этот раз вышло.

Произошло в кружке несколько инцидентов [между придерживающимися] старых литературных традиций и искателями новых тем и новых форм. Дело в том, что чествовал нынче кружок Толстого, Мережковского и еще кого-то из «старых». На прошлой неделе был юбилей Островского», взялись чествовать и его. В подготовке к этим чествованиям уходило почти все

время, и другим чем-либо заняться не проходило» Так вот часть членов, узнав о чествовании Островского, иронически заметили: «Ну, опять покойничек». Одному поэту предложили по поводу юбилея Островского написать что-нибудь, так этот поэт», типун ему на язык, не задумываясь ответил: «И без меня панихиду отслужите». Чествование, конечно, все-таки состоялось, и началось оно с весьма колкого упрека по адресу молодых членов и вообще молодого поколения, которые не ценят и даже не знают русских классиков и [этим] самым печальным фактом нарушают лучшие традиции русской культуры. Не забыты были в этом обличении и злополучные «покойнички» и «панихида», в которой не пожелал принять участия поэт, творчеству которого, между прочим, было) посвящено одно из собраний кружка в нынешнем сезоне. Одним словом – скандал в благородном семействе, да и только. Живая же газета издается преимущественно силами молодых, ввиду того, что по летам и я к ним принадлежу, надели на меня мои «коллеги», дабы я очистил запятнанную на вечере Островского их честь. Довольно мудреная задача, смутно сейчас представляю себе, как я с ней справлюсь, но все-таки рассчитываю справиться и взял на себя передовицу на эту тему. А вот во-вторых, через неделю, 10 февраля, предстоит мне второе «удовольствие», к которому я не знаю, с какой стороны и подступиться. В том же кружке назначен на этот день литературный суд по рассказу Бунина «Дело корнета Елагина», и навязали мне в этом суде роль подсудимого! Пока что душа моя еще более-менее спокойна, потому что читал я сей рассказ уже давно и наполовину перезабыл его суть. Дело состоит там в том, что корнет Елагин убивает при весьма странных обстоятельствах и по весьма странным и неясным причинам свою любовницу. В факте убийства сознается сам, но разводит в своем признании такую психологию, что черт в ней ноги поломает. И та перспектива, что мне придется эту психологию расхлебывать, – вызывает дрожь во всех моих членах. Если еще прибавить, что на настоящих литературных судах (будут: председатель, секретарь, прокурор, 3 защитника, медицинская экспертиза в лице настоящего доктора, и хотят пригласить пару юристов для правильной постановки всей этой церемонии) я никогда не присутствовал, то неудивительно, что мое положение весьма незавидно, пожалуй, настоящему корнету Елагину, если таковой существовал, легче, чем мне, было. Какой-то трагический талант у меня – ввязываться в такие истории. Не люблю я всякие публичные выступления и открытые собрания кружка почти никогда не посещаю, а все-таки даю себя уговорить и соглашаюсь на такие роли. Ведь этак, пожалуй, можно меня и уговорить заделаться китайским императором! Правда, с ролью последнего легче было бы справиться, чем с корнетом Елагиным. Но зато уж отзвоню на этих двух вечерах – и с колокольни долой, никакими коврижками больше выступить не заставят, и то уже наберется 4 раза за этот сезон, с меня за глаза довольно, ведь это артистом надо быть, чтобы чувствовать удовольствие или удовлетворение от такой деятельности, а я никакой не артист и поэтому признаю лишь доклады и беседы в небольшой, знакомой аудитории, где понимают тебя и ты понимаешь других – такая деятельность

мне больше нравится, и более полезной я ее считаю. И, знаете, когда я пишу Вам письма на темы философские, то Вы для меня вполне достаточной и гораздо более приятной аудиторией являетесь, чем публика на открытых собраниях Литературного Кружка. Только уж очень Вы, Галя, беспокойная аудитория. Не разглядеть мне за дальностью расстояния, что у Вас на душе творится, но надеюсь и искренне желаю Вам, чтобы все, творящееся в Вашей душе, приводило Вас к лучшему. Не знаю, насколько я в силах это пожелание сделать большим, чем только пожелание, насколько мне дана возможность раскрыть для Вас радостный смысл жизни, об этом тяжело сейчас судить. Лишь когда я почувствую в себе достаточно силы и увижу ясно пути, которыми можно было бы уничтожить Ваши кошмары и Ваши сомнения, лишь тогда я возьмусь доказать Вам, что мне есть до них дело и от меня можно ожидать помощи для преодоления их. Сейчас же это остается только пожеланием. Искренность его может вполне заменить недостаточность осуществившихся надежд и заполнить время, требуемое для их осуществления. Но это, конечно, уже от Вас, Галя, зависит, а не от меня, т.к. заставить Вас верить в свою искренность я не могу. <...>

Всего наилучшего.

Павлик

25 января 1936 г.

<...> И на столе сейчас прекрасная книга лежит – «Пути Благословения» Рериха. Вот кого я могу читать и перечитывать. Если в любой книге Рериха наугад открыть какую-нибудь страницу, всегда найдешь близкие и разуму, и сердцу слова. Многие ли писатели таким качеством могут похвастаться? Вот Вам сразу и пример. Открыл книгу и читаю: «[А] ведь каждую минуту кто-то может быть научен и обрадован. Обрадован не деньгами, но радостью познания новых далей. Ведь если бы весь мир возрадовался хотя бы на одну минуту, то все иерихонские стены тьмы пали бы немедленно»⁵⁰. Правда, Галя, почему мы так мало и так редко радуемся. Чего нам не хватает для этого. Ну я понимаю – мы не можем себе позволить каждый день удовлетворения всех своих чувств, мы не в состоянии позволить себе всех земных удовольствий, но разве [все это] надо для радости? Самая незначительная причина может быть поводом для радости, и похоже, что мы нарочно избегаем этих причин и ищем каждую причину, которая дала бы повод раздражению. Вот еще две строчки из Рериха: «Одна мать, держа на руках своего младенца, спрашивала, что есть чудо?»

Спрашивала, отчего чудеса не встречаются в нашей жизни. Держа в руках чудо, она спрашивала, что есть чудо?»⁵¹

Не поступаем ли и мы таким образом, когда говорим – нам нечему радоваться. Разве не закрываем мы своих глаз на большинство достаточных для радости причин и жалуемся после этого, что нам нечему радоваться? Неразумная птица умеет выражать своим пением радость, когда увидит первые лучи восходящего солнца, а умудренному человеку чувство радости незнакомо, несмотря на то, что его душа несоизмеримо богаче птичьей. Разве допустимо такое положение? Допустим, что больше чем от птиц с нас

спрашивается, что трудно нам приходится, что дорого обходится расплачивание за свои ошибки. Но ведь:

Сколько б не дал человек, – все мало,
Чтоб пред жизнью погасить свой долг.

Все-таки наши вопли о страданиях – ничто перед одним мгновением истинного счастья. И нет человека, который мог бы пожаловаться, что такое мгновение его обошло. Разве не было их у нас? Или разве не будет их? Были и, конечно, будут еще. Чтобы радоваться, небольшое усилие надо сделать. Надо лишь прозреть, захотеть видеть дальше сегодняшнего дня, и кто научится смотреть вдаль, к тому обязательно радость придет. Потому что «радость – есть особая мудрость», а всякая мудрость пользуется большими масштабами, всякая мудрость живет веками и в веках, и если от этих грядущих веков отвернуться, радость станет редким гостем. Ведь ей тесно в миниатюрных рамках наших минутных настроений, мы душим ее своими будничными заботами о том, как сегодня нам прожить, что поесть и во что одеться. Много работы, очень много надо произвести над собой, чтобы расширить свои горизонты, обновить свои понятия, уничтожить привычки и серенькие никчемные обычаи. Но работа эта вознаградится достойной платой – радостью. Отработав вчера 18 часов на фабрике, я заработал 8 крон, но не радость. Чтобы ее заработать, нужно за ту работу приняться, которая действительно облагораживает человека. Она самая неустомительная работа, без вреда для здоровья, ей можно посвящать 18 часов в сутки, да редко это делается. Не так ли? Будем надеяться, что в будущем отведем ей должное внимание и большее время.

А теперь прощаюсь. Поздно уже, надо спать заваливаться. Пишите, Галя, рад бываю всегда Вашим письмам, и когда Вы сочтете нужным, после строгой цензуры, уничтожить написанное, то вспомните – что нехорошо уничтожать радость, для других предназначенную.

Всего наилучшего.

Павлик

5 февраля 1936 г.

<...> Примусь с завтрашнего дня за литературу, во-первых, слишком уж у меня большие пробелы в этой области, во-вторых же, читать хорошие произведения – сплошное удовольствие. И Толстым надо заняться, и Достоевским, и Лесковым, и современными – Буниным, Зайцевым, Шмелевым и т.д., и т.д. Меня почему-то считают в нашем литературном кружке хорошо знающим не только русскую, но и иностранную, не только классическую, но и современную литературу. Стараюсь своих «коллег» не разочаровывать в их мнении обо мне и даже на литературные темы осмеливаюсь передовицы писать (правда, не особенно убедительные), но все-таки свои пробелы не забываю и хочу теперь заполнить их, чтобы в обман публику не вводить. Да и сам чувствую уже заранее удовольствие от того, что свои пробелы можно заполнять такими иногда прекрасными вещами. Хочется мне основательнее с Рабиндранатом Тагором

ознакомиться, у него такие прекрасные вещи имеются, что их можно читать и перечитывать, наслаждаясь мыслями, словами и музыкой ритма. Приведу Вам маленький отрывок из его книги «Гитанджали» (Жертвенные песнопения): «Ты сделал меня другом тех, кого не знал я доселе. Ты ввел меня в жилища доселе мне чуждые. Ты приблизил далекое и чужого сделал мне братом. Мне тяжело покидать привычный кров, я забываю, что в новом живет старое и что Ты всюду со мной. Сквозь рождение и смерть в этом мире или в других мирах, куда бы не вел Ты меня – Ты все тот же, единственный спутник моей бесконечной жизни, связующий сердце мое узами радости с неведомым. Познавшему Тебя ничто не чуждо. Для него нет закрытой двери». Это же стих, настоящий стих и с очень глубоким смыслом.

<...>

Только на предыдущей странице я восхищался красотами литературы и сейчас могу повторить, что очень люблю и ценю их, но не задумываясь все эти красоты я отдал бы за то, чтобы приблизиться хоть на один вершок к великому смыслу Бытия. Но не хватает силы. Такое приближение пока что только сны, а не действительность еще, до действительности далеко, очень далеко. Трагедия же в том, что это далекое зависит от мгновения. <...> Иногда чувствуешь это мгновение совсем близко и все кругом проясняется, иногда же оно кажется невозможным в этой жизни и скрывается за неразгаданной чертой смертного часа. Но рано или поздно оно должно наступить, это не только моя вера, это – все мое знание, которое обязывает меня жить так, а не иначе и которое упрекает меня за каждую жизненную ошибку, за каждое отдаление желанного момента. Слишком много таких отдалений и ошибок, они в каждом пустяке, в каждой мелочи, они в разбрасываемых по ненужным направлениям мыслях и в дымящей[ся] папиросе, которую я сейчас сосу, они в каждом неправильном поступке, и они же в допускаемом тобою бездействии там, где нужно действовать. <...> И когда гнетут физическая усталость и безразличие, когда мысль притупляется тщетными усилиями выбраться из тупиков, тогда одно остается – прислушаться к сердцу и, уловив его веления и предчувствия, положиться на них. Они никогда не обманывают. Без слов подскажут то, что разум бессилён словами выразить. И опять радостью наполняется все твое существо, исчезают сомнения и уверенность появляется в каждом шаге, потому что сердце указало ту цель, которая невидима для глаз. Надо чаще прислушиваться к своему сердцу. Разум слишком отравлен окружающими нас ложью и пошлостью. Но в глубину сердца нет доступа этим темным врагам. Если сердце не прогнило, если хоть одна его струнка вибрирует на явления красоты и блага, то этой стрункой будет спасено все наше существование со всеми его ошибками. Так-то, Галя, та сила, тот мощный рычаг, которым можно будет перевернуть свою жизнь, направить ее путями, идущими мимо ненужной житейской суеты и нагроможденности, та сила в нас, она не до конца растрочена, и, когда будут использованы все кривые пути, исчерпаны все кажущиеся возможности, мы воспользуемся ею, если не сумеем этого сделать раньше. Но чем раньше – тем лучше. Будем надеяться, что у нас хватит благоразумия не ждать последних сроков. Ведь

незачем. Когда у нас есть вкусное блюдо на сегодняшний день, мы его обыкновенно съедаем, не откладывая на завтра. Чем же наша душа хуже нашего желудка? Почему ее мы кормим «завтраками»? Если есть тому причины, то уничтожить их надо. Ну и уничтожим. А покамест всего наилучшего. Пишите.

Павлик

26 февраля 1936 г.

<...> Наша жизнь и жизнь нашей мысли – это две разные жизни. Но они тесно между собой связаны, в большой зависимости друг от друга находятся. И побеждает всегда, хоть на первый взгляд с этим и трудно согласиться, – мысль. Что человек думает – тем человек и становится. Не может жизнь со всеми ее невзгодами сломить того, чья мысль непреклонна, чья мысль не путается в сомнениях и знает ясно цель своих устремлений. Перед такой мыслью житейские трудности расступаются. «Для меня в грядущем будет обман только в том случае, если я буду избавлен от какого-нибудь бедствия, но и это нельзя считать обманом», – говорил Сенека. И меч горя притупился о такой щит, горе потеряло свою остроту. Но стоит только маленькому сомнению свить гнездышко в мыслях, как моментально все мухи превращаются в слонов. И зарождается в человеке недовольство. Сам на себя бросишь иногда беспристрастный взгляд и удивись – откуда появляется столько недовольства. И одним ты не доволен, и другим, как будто весь мир сговорился против тебя и не упускает ни одного удобного случая, чтобы тебе не насолить чем-нибудь. А в действительности-то мир живет своим чередом, перенося через тысячелетия одни и те же печали и радости, выбор их громаден, как в универсальном магазине все равно, и люди выбирают обыкновенно самый дрянной, подгнивший товарец, соблазняясь дешевкой. Лишь бы дешевле заплатить, как будто жизнь – это распродажа сезонных вещей. Очень охотно мы верим в бессмертие и вечность человеческого существования, но пожертвовать одним днем, чтобы к этой вечности приблизиться, мало кто считает желательным. Недосугом все отговариваемся. А ведь прекрасно звучит – человеку некогда сделаться вечным! Величайшую задачу разрешил Христос на земле. Кто, кроме Него, мог бы сказать про себя: «Я – путь и жизнь»⁵². Ведь каждый момент Его земного существования был до предела насыщен земной жизнью и вместе с тем являлся путем от земной жизни к жизни высшей. Таким образом, средство превращалось в цель, относительная ценность становилась абсолютной ценностью. Как далеки еще мы от этого, даже разуместь мы можем приготовление к чему-либо и это само что-либо лишь как два отдельных этапа.

Но насытить приготовление самой целью настолько, чтобы первое без остатка во втором растворилось, – не способны. И жизнь от этого получается половинчатой, не живем, а приготовляемся. Вечный приготовительный класс. Да и нельзя нам без этого. Приготовляться необходимо, и было бы не так страшно, если бы мы сперва приготовились, а потом попробовали бы жить. Но обыкновенно мы сперва пробуем жить, жить «полной жизнью» и, когда убеждаемся, что сия «полная жизнь» оказывается жалкой пародией на

что-то, лишь тогда вспоминаем о подготовке. Вот и приходится вместо обычной подготовки заниматься ломкой уже готового, но плохо подготовленного материала. Скажите, что для нас труднее – увеличить ли свои хорошие качества или уничтожить плохие? Перед вторым большею частью руки от бессилия опускаются. <...> Всего наилучшего.

Павлик

3 марта 1936 г.

Пишу лежа в постели. Пришел сегодня с работы и почувствовал, что надвигается какое-то подобие гриппа. Простудился, вероятно, вчера. Пришлось вчера работать две смены, утомился немного и, идучи с работы домой, простудился. После 16 часов, проведенных на фабрике, уж очень я обрадовался свежему воздуху да сильному ветру, распахнул пальто на радостях, чтобы освежило меня как следует, да так и дошел до дому. Вот оно и освежило. Даже больше, чем следует. А неприятное чувство, когда тобой начинает завладевать простуда. Насморк, голова тяжелая, от температуры сохнут губы, дышится как-то трудно. Пришел с работы, лег в постель, уткнулся лицом в подушку, да так и пролежал весь день в полудремоте. Спать не спал, но чтобы бодрствовал – тоже сказать нельзя. Сейчас ночь уже. Спать не хочется и думать тоже надоело. Почитал, посмотрел на стены и потолок своей комнаты, подумал и надумал писать письмо. О чем же писать? О себе, о Вас или вообще? Можно начать с первого. Пришлось сейчас как раз немного о себе подумать. Говорят, что человек в момент смерти вспоминает всю свою жизнь. И мне сейчас вспомнилась своя. Потому что это не была еще смерть, потребовалось на воспоминания больше момента. Тикают часы, бегут секунды, бегут минуты, а в памяти выплывают все новые и новые эпизоды. Как их много, всего не перечислить.

Вспоминается самое раннее детство. Помню, как мы жили еще в Нарве на Сенной площади, мне тогда было всего около трех лет, но как ярко сохранились в памяти отдельные случаи. Не могу уже представить себя таким маленьким. Подумайте, только – 3 года! Нет, себя я не помню с этих пор, но окружающие меня люди и обстановка оставили в мозгу свои отпечатки, они для меня, как фотографии. Бог знает, что я тогда из себя представлял? Что я и сейчас-то из себя представляю – вопрос не выясненный. Но что представлял из себя весь калейдоскоп прошедших передо мной картин, об этом можно судить. Может быть, те забытые чувства, которые возникали во мне тогда, имеют что-либо общее с теми, которые возникают теперь при воспоминании. Теперь же каждый раз становится у меня на душе светлее, когда я вспоминаю Кавказ. Помню парк в Ессентуках, крупные душистые розы, синее, по сравнению с нашим, даже – темно-синее небо и на этом синем фоне две острые вершины Эльбруса. Они покрыты снегом и так блестят, что смотреть на них больно глазам. Почему там, наверху, снег, а внизу, в парке, жара – этого я никак не мог себе объяснить. Мне хотелось на них забраться. Я не верил, что до их подножия несколько дней пути, они казались совсем близко. Один раз с Шуриком мы отправились из гостиницы на... Эльбрус. К вечеру нас нашли за городом и

привели обратно. Когда мы переехали в Кисловодск, который расположен у самого подножия Машука, у меня появилось к горам чувство уважения и доля страха. Эльбрус издали казался игрушечным, но Машук вблизи, хотя он и меньше Эльбруса, был слишком грандиозен для того, чтобы появилась охота на него забраться. Больше всего меня беспокоила вершина Машука. К ней я относился очень недоверчиво. Полоса облаков и туманов, которые почему-то всегда окружают Машук, отделяют верхушку от самой горы, кажется, что верхушка висит в воздухе, и очень недоверчиво я на нее поглядывал: все думал, что свалится и раздавит меня обязательно. Помню грозу с ливнем. Описать ее нет слов. Как будто громадный ушат опрокинули над землей и ее заливают сплошной поток воды, именно поток, в котором капель не различить. Темно стало так, что в комнате зажгли лампу, когда же вспыхивала молния, казалось, будто лампу тушило, настолько ее свет был мал по сравнению с блеском молнии, а от грома надо было затыкать уши, в горах такие раскаты раздавались, будто сами они на мелкие части трескались. Страшновато было, не скрою, но любопытство побеждало страх. Несмотря на запрет, я все-таки удрал на балкон, на нем скопилось очень много воды, и меня мучил вопрос – поплывет ли стул по балкону, если его опрокинуть на спинку. Поплыл он или нет – не помню, но что мне за вымоченные до колен ноги попало – запомнилось. Запомнились еще несколько ущелий, поездка в замок «Коварства и любви», грот в Машуке с серным озером, Лермонтовский грот, откуда замечательный вид, прямо дух захватывает – и страшно так, что не смотрел бы, и красиво так, что глаз не оторвать; поезд в горах, где на три-четыре вагона два паровоза полагается, спереди и сзади, – одному паровозу не одолеть подъемов. И много, много отдельных картин с ясностью фотографий запечатлелось в памяти. Как приятно бывает их перебирать, как приятно в ревельском туманном дне вспомнить воздух, насыщенный солнечными лучами и ароматом роз. Как много там роз! В парках, в садах, в скверах, прямо на улицах на клумбах – все розы и розы, большие и самых разных цветов – белые, желтые, красные и даже черные. После Кавказа опять Нарва. В то время я отличался большой любознательностью. Мне надо было знать, из чего всякие вещи делаются, – например, из чего делают стекло, бумагу, спички и т.д. и т.д. Все объяснения мне давал папашка, я его за это очень уважал, что он такой умный и все знает, но все-таки некоторые явления считал нецелесообразными. Например, советовал в торговле все товары продавать по одной цене, чтобы легче было считать, и был огорчен тем, что мое предложение не принималось. Потом опять путешествие. Волга от самого истока до устья. Большие пароходы, белые, как лебеди, шумные пристани и целые стаи чаек. Им бросают с палубы кусочки булки, и они их прямо на лету ловят. Немного помню Нижний Новгород и хорошо – Саратов, там мы жили больше года, пережили революцию, восстание анархистов, стрельбу, пожары. Потом в товарном вагоне ехали до Петрограда. В России начинался голод. В Петрограде с мешочками приходили к вагонам люди, чтобы выпросить чего-нибудь съедобного. Потом жили в Ямбурге⁵³. В Эстонии были немцы, и сразу в Нарву было не попасть. Потом опять Нарва. Война с

красными, обстрелы. Бегство отца. Лазарет у нас на квартире, и отъезд в Ревель. После заключения мира – обратно в Нарву. Зимой – школа. Летом – Гунгербург⁵⁴ и Гапсаль⁵⁵. К 23-му году от прежнего отцовского состояния почти ничего не осталось, он пошел служить в акционерное] общ[ество] «Нарва Импорт» и попал в Сыренец.

Туда же за ним поехал и я. Около года, кажется, жил в Сыренице, и затем опять Россия. Петроград. Люблю его вспоминать, его «оград узор чугунный, Неву, одетую в гранит, дворцы, Адмиралтейскую иглу» и т.д. Нельзя Петрограда не любить, прожив в нем, как я, около трех лет. Коренные жители Петрограда не могут себе представить, как можно жить где-либо вне его. Ведь петербуржцы, волею судеб очутившиеся в иммиграции, не столько тоскуют о довоенной жизни, о своих погибших капиталах, о судьбах России, наконец, как о самом Петрограде. Знаете стих Агнивцева:

Как вздрогнул мозг, как сердце сжалось,
Весь день без слов, всю ночь без сна, –
Сегодня в руки мне попалась
Коробка спичек Лапшина.

Да, сердце раб былых привычек,
И вот в движении вдруг
Из маленькой коробки спичек
Встал весь гигантский Петербург.

Исакий, Петр, Нева, Крестовский,
Стозвонно плещущий Пассаж,
И плавный Каменноостровский,
И баснесловный Эрмитаж.

И первой радости зарница,
И горя первого слеза,
И чьи-то длинные ресницы,
И чьи-то серые глаза.

Поймете ль вы, чужие страны,
Меня в безумии моем,
Ведь это юность из тумана
Мне машет белым рукавом.

Последним отблеском привета
От Петербурга лишь одна
Осталась мне всего вот эта
Коробка спичек Лапшина.

Каждый город имеет свое лицо. И, может быть, ярче всего это свое лицо выражено у Петрограда. Если петербуржец живет в других маленьких

городах, он вспоминает грандиозность своего Петрограда, если он живет в гигантских городах Западной Европы или Америки, то вспоминает своего «гранитного барина», с которым не в состоянии спорить в величии многочисленные небоскребы. Величие выражается не только величиной, но и спокойными, плавными линиями архитектуры, улицами, проведенными как по линейке, и правильными пропорциями отдельных частей. И Петроград выдержан, донельзя выдержан, в своем особом Петроградском стиле, который накладывает на все свой отпечаток. Ни революция, ни красные флаги и платочки, ни демонстрации сотысячной рабочей толпы не могут сгладить черт «гранитного барина». Его «голубую кровь» не испортить никаким мезальянсом. Мне хотелось бы еще побывать в Петрограде. Очень многим я ему обязан. Его дворцы, его музеи, театры, опера открыли мне красоту искусства. Потом опять Сыронец, который научил меня любить природу. Я часто вспоминаю Сыронец и когда-нибудь навещу еще его. А теперь я уже четвертый год сижу в Ревеле. В данный же момент даже не сижу, а лежу и вспоминаю все, что было. Но не вспомнить всего. Очень много было. Это быстро сказать: Петроград, Сыронец, Ревель, но ведь каждый день, каждый месяц, каждый год в Петрограде, в Сырence и Ревеле чем-то заполнялся, что-то приносил и что-то уносил без возврата. Вот вспомнил, как уезжал из Саратова отец, а я его не пускал, вцепился в его ногу, и с трудом меня оторвали, и вспомнил, как полгода тому назад я вошел в квартиру и нашел его на полу, в крови, мертвым⁵⁶. Неужели это все тот же отец, все тот же я, что был в Саратове и что теперь есть?

Бесчисленные нити радости и горя переплетают каждый день, каждое воспоминание. И все эти нити клубком свиваются во мне. Лежу я сейчас с насморком, с температурой, а запах роз, вершины Эльбруса, Волга, Петроград, Сыронец, все встречи, все лица, все, все проходит передо мной. Что это все было на самом деле или это только плод моего полудремотного состояния? Ведь все, кроме насморка и температуры, как во сне, ведь ничего, кроме насморка и температуры, я не могу реально ощутить в данный момент. Правда, от этих печальных реальностей я отделаюсь после смерти, но много ли смогу я взять с собой по ту сторону жизни из виденных «снов»? Нет. Немного еще. Багаж слишком легок для дальнего путешествия. Надо еще жить, еще видеть сны, создавать их. И тяжело от этого становится и радостно, а все вместе называется «жизнь», и, правда, я люблю ее. Но надо кончать писать, устал уже, да и не только не написать, но и не рассказать всего того, что в этом коротеньком слове «жизнь» заключается.

Целый день перерыва. Вчера голова разболелась не на шутку, так что за письмо не приняться было, сегодня же дело идет на поправку, полегчало по всем статьям, госпожа простуда, проведши в моем организме 3 дня, решила удалиться, по-видимому, взять ей с меня особенно нечего и останавливаться на долгое время в столь некомфортабельной гостинице, как моя персона, ей нет расчета. Оно и к лучшему. Завтра утречком рискнем отправиться на работу. А то нашему фабриканту беда – запасных ткачей нет, кто не придет – машина стоять должна. К тому же у нас на всю фабрику только один подмастер и один мастер, причем последний машин чинить не умеет,

ткачихи тоже, конечно, не умеют (вот уж «бабья» несообразительность! Ведь по 15 лет практики, а что случись – так только руки разведут, ни гайки не подвернуть, ни ремня не подтянуть – ничего), и если меня или Шурика в отсутствие подмастера на фабрике нет, то часто бывает, что стоят все четыре машины, сидят четверо ткачих и только сам хозяин бегаёт как угорелый, но никак своей беготней горю помочь не может. По этим-то причинам и приходится на фабрике торчать сплошь и рядом по две смены, особенно когда ещё ночная смена работает. На этой неделе обещали ночную смену закрыть – тогда все-таки легче будет.

А вот вчера жалко, что дома провалялся. Должен был познакомиться с профессором] Янсоном, читал недавно одну его рукопись о творчестве и воспитании. Много интересного там нашел, хотел по поводу некоторых вопросов с ним поговорить, и была уже «аудиенция» назначена, да так и не пришлось ею воспользоваться. В его рукописи затронута одна тема, которую мне хотелось бы подробнее разработать. Тема эта о так называемом «среднем ученике». Весьма резонно в своем труде Янсон указывает, что «среднего ученика» не должно быть. И, по-моему, тоже все эти «средние ученики», «средние учителя», «средняя аудитория» и т.д. и т.д. – все это позор современного общества, и виною этому позору – неправильно поставленное воспитание. Школьные знания почти сплошь представляют собой какие-то готовые мертвые формулы, меньше всего пригодные для жизни. Почти две тысячи лет тому назад Сенека спрашивал: «Неужели полезнее изучать, где блуждал Одиссей, чем заботиться о том, чтобы не заблудиться самому». И вот в течение двух тысяч лет «средние» головотяпы из среды «средних» педагогов считают первое более полезным и калечат молодые поколения, превращая их в «средних людей». Один этот термин – «средний человек» – позорен для человечества. Ну еще, скажем, средний кочан капусты, средняя свинья, пудов так на шесть – это еще туда-сюда, но в высшем олицетворении индивидуальности – в человеке – «среднего» не должно существовать, и если существует, то только потому, что оно искусственно создано неправильным воспитанием. В детях дошкольного возраста никак «среднего ребенка» не обнаружить – все они разные. И немало «героических» трудов приходится употребить школе, чтобы патентованными программами добиться создания «среднего уровня», который отнимает у человека все самое ценное. Надо только удивляться, как удается некоторым за этот «средний уровень» перескочить, как до сих пор имеются у нас талантливые и самобытные художники, писатели, музыканты и другие творцы. Замечательная, между прочим, аттестация для школы – почти все без исключения гении, крупные таланты, изобретатели и вообще люди с ярко выраженной индивидуальностью – были в школах плохими учениками, «ниже среднего уровня». Может быть, потому они и выявились, что злополучный «средний уровень», до которого они «не поднялись», не наложил на них своего губительного отпечатка. У школы надо отнять автономию – давать людям аттестаты. Пусть люди, в свою очередь, тоже дают аттестаты школе. Тогда раскроется весь кошмар современного воспитания. Я больше чем уверен, что 90% «хороших учеников» окажутся

никуда не годными людьми, и многие, на кого школа махнула в отчаянии рукой, оставят далеко позади себя своих педагогов. Ой как нужно призадуматься «сеятелям разумного, доброго, вечного»... А они слишком мало думают. Уроков «доброты», «нравственности», «чести» – нет вообще в школьных программах. Какая-то ничего не говорящая сердцу «этика», какое-то «Римское право», в котором нет и доли правды, какой-то «необязательный Закон Божий» с необязательным, по-видимому, раем и адом, какая-то геометрия, которая учит мерить землю, но не учит о том – сколько человеку земли надо. Во всем этом трудно и подобие программы найти. Правда, если за что и можно благодарить школу, так первым долгом ее следует благодарить за то, что она умудряется каким-то чудом держать «средний уровень» несколько выше полного умопомешательства. Впрочем, это заслуга скорее самих учеников, нежели педагогов. Хотя несколько несправедливо я выразился. Много заслуг и у педагогов есть, много среди них хороших людей, и вина ложится скорее на патентованные программы и учебники, на всю постановку образования и воспитания, которую необходимо в корне изменить. А то ведь некоторые имеют наивность удивляться, почему так медленно прогрессирует человечество, в лучшем смысле этого понятия. Неуместная наивность. До тех пор, пока школы выпускают «средних людей», наподобие как фабрики выпускают патентованные подтяжки, до тех пор о прогрессе и мечтать не приходится.

<...>

Павлик

31 мая 1936 г.

<...> Вы видели, Галя, чтобы я себя в каких-нибудь случаях жалел? Ведь мне настолько жалость не нужна, что я сам ею никогда не пользуюсь. Приходится в жизни страдать, приходится и радоваться, одинаково благословляю оба чувства. Там, где не учит жизни радость, пусть учат горе и страдания. Ведь средства-то в конце концов не так важны, главное – цель, главное – жизнь, радость же и страдания лишь двигатели ее, и потом ни безысходного горя, ни совсем усыпляющей радости не испытывал я в жизни и испытывать вряд [ли] буду, не собираюсь во всяком случае. Потому что в беспредельности, каковой жизнь является, безысходность немислима так же, как и блаженство, заставляющее забыть все сущее. И Вы глубоко правы, когда предполагаете, что у меня имеется общее восприятие жизни целиком, человечества целиком и лежащей перед ним вечности. Да, это чувство никогда меня не покидает. Я иногда даже чувствую как бы биение Космического пульса, перед которым наши личные страдания и радости – сущий пустяк, близорукость какая-то, которая дальше своего носа ничего не видит. Но Вы глубоко ошибаетесь, если думаете, что это чувство обезличивает людей. Личность, индивидуальность – в человеке самое главное, и значение индивидуальности растет на общем фоне человечества, а не уничтожается последним. Знаете такую истину Агни Йоги: «Насколько одна Беспредельность не представляет конкретных последствий, настолько конечность будет умаляющим понятием. Только соотношение этих антиподов составит правильное решение косм [огон]ической проблемы»⁵⁷.

Нельзя же представить себе человечество, закрывая глаза на отдельных людей, и ошибочно думать, будто личное и общее противоречат друг другу. Но я начал далеко забираться в философию. У меня это быстро получается, и, может быть, именно потому, что мои личные отношения к людям не нарушаются и не противоречат общему отношению ко всему сущему.

Всего же Вам наилучшего. Пишите, как процветает Ваше садоводство и не раскопали ли Вы где-нибудь моих игниридовых растений?⁵⁸ Привет Толе передайте.

Павлик

22 июля 1936 г.

<...> Знаете у Байрона строфу: «...сочти все радости, что на житейском пире из чаши счастья пришлось тебе испить, и согласишься, что кем бы ни был ты в сем мире, есть нечто более отрадное – не быть»? Вот на этом-то «не быть» я бы и остановился, если бы хотел себя успокоить, это «не быть» не раз соблазняло меня в минуты малодушия, но теперь оно потеряло всякий смысл и всякую власть надо мной. Поэтому я считаю трусостью отвергать бессмертие. Человек боится будущего и потому его отрицает. Человеку страшно очутиться перед лицом Беспредельности со своим жалким багажом знаний, он чувствует, что Беспредельность раздавит его, а смелости победить эту Беспредельность не хватает. Вот и хочется уничтожения, ибо смелости нет захотеть бессмертия. Ведь «не быть» гораздо легче, чем, «быть» – как Вы, Галя, думаете? <...>

Павлик

26 июля 1936 г.

<...> Философию я очень люблю, занимаюсь ею, знаю ее более-менее, во всяком случае настолько, чтобы в ней не сбиваться, и, похваляюсь, не сбиваюсь в ней, но тем не менее я также отдаю предпочтение экспериментальной науке. Это значит, что свое мировоззрение я не согласен строить на теориях, созданных путем логических рассуждений. В основу своего мировоззрения я беру факты и из них уже вывожу теорию, которой заполняю недостаток фактов, так что последняя является для меня как бы предварительным планом для дальнейшего изучения. <...> Я же делал, делаю и много еще буду делать поправок в своих теориях, ибо познание новых фактов их обязательно изменяет, но без теорий нельзя обойтись, как бы ошибочны они ни были, потому что надо знать, в каком направлении следует искать факты. <...> Действительно, истинное знание нельзя никому другому передать, надо, чтобы другой сам узнал. Поверить мало, надо узнать. И Вас я не прошу особенно верить мне, я могу только просить узнавать. <...> Конечно, мое мировоззрение не есть исключительно мое. Очень многие останавливаются на оккультном миропонимании. Но оно столь широко, что требует индивидуального подхода к себе в каждом отдельном случае. В нем нет одного закона для всех, нет догматических доктрин, оно разнообразно и эластично, как сама жизнь, главное его положение то, что все бывает, ничего нет невозможного, ибо жизнь есть свободное творчество, жизнь, как мысль, создает рациональное и нерациональное разнообразие

предметов и явлений. Имея такое широкое под собой основание, оккультные науки не поддаются легко изучению. Чтобы правильно к ним подойти, необходимо сперва отказаться от всех своих теорий и предубеждений, отказаться как бы от самого себя, превратить свой мозг в чистую доску, на которую с самого начала можно было бы беспристрастно заносить изучаемые явления. Помните, я Вам читал из маленькой книжки: «Взгляните на небо, как бы в первый раз»⁵⁹. Так и требуется на себя и на все окружающее как бы в первый раз взглянуть, позабыв все теории, все этикетки, прищипленные услужливыми, но неумелыми руками к каждому предмету. Это не так легко сделать, как на первый взгляд кажется.

Да и потом, повторяю, каждый по-своему подойдет к ним, смотря по своим особенностям, ибо оккультные науки требуют индивидуальности для изучения их, без этого нельзя, надо что-то дать от себя, чтобы что-нибудь получить, индивидуальность как раз и будет таким от себя даваемым. Но поэтому часто бывает, что и последователи оккультных наук очень противоречат друг другу. Люди далеко еще не совершенны, чтобы не ошибаться – это раз, во-вторых же, степени развития людей очень различны и развиваются они как бы по разным направлениям. Поэтому до определенной границы (обыкновенно в деталях) последователи оккультизма без противоречий друг другу обойтись не могут. На более высоких степенях противоречия, конечно, исчезают, но «истина» целиком тем не менее не познается, ибо нельзя познать всего сущего, не было такого Адепта, который говорил бы: «Я знаю все», потому что нельзя Бесконечность вместить в какие-то границы знания. В этом и заключается принцип Вечности. Меняя формы и состояния, все сущее может совершенствоваться без конца, ибо комбинация форм, состояний и сочетаний их неисчерпаема. Но я не буду сейчас далеко в философию входить. Скажу лишь пару слов об оккультизме. Оккультизм развивался как на Западе, так и на Востоке. Восток, по некоторым причинам, сохранил оккультные науки в более чистом виде, и лишь на Востоке, в конце концов, остались настоящие Адепты оккультизма. Западный же оккультизм в средние века ударился в полумошенническую магию, в последние же времена – в не менее мошеннический спиритизм. С конца прошлого века Восток пошел на помощь Западу, и теперь достигнута возможность изучения настоящего оккультизма и на Западе. Особенно этому помогла Агни Йога. Агни Йога давалась с 1929 по 1934 год⁶⁰, и в нее входят как древнейшие забытые нами истины, так и новейшие научные открытия. В Агни Йоге я и черпаю, главным образом, сведения для своего мирозерцания и должен сказать, что никакие философские и научные теории не могут столько дать, сколько дает она, если к ней умело и с надлежащей подготовкой подойти. Ибо она дает факты, а не предположения, в ней не доказывается бессмертие души, а изучаются законы Тонкого Мира, правильность которых можно проверить и здесь на земле, потому что для тех, кто сознатально глаз[а] на Тонкий Мир не закрывает, он тайной не является.

Но не буду Вам сейчас объяснять Агни Йогу, да и объяснить ее невозможно, ее надо изучать самому. Если появится у Вас когда-нибудь

такое желание, то помочь Вам могу с удовольствием и книгами, и объяснениями. Я бы и теперь мог послать книгу из серии Агни Йоги, книгу очень полезную, но только думаю, что Вы ее не прочтете. Это не в укор Вам говорится. Года 4 тому назад и я не стал бы ее читать, несколько лет подготовки требуется для того, чтобы читать ее самостоятельно. У меня есть другой пример – Гущик. Человек вполне культурный и многознающий, через него я и получил все книги по Агни Йоге, но сам он прочел только первые 3 книги и то за объяснениями ко мне обращается, слишком много понять не может, слишком много противоречий у него получается, потому что подготовки не было. Между тем он был в личной переписке с Рерихом, <...> Рерих настоящий последователь Йоги, от которого можно было бы многому научиться, но, как видно, нельзя ничему научиться, не приложив для этого трудов со своей стороны. Если Вы пожелаете когда-нибудь потрудиться на этом поприще, могу обещать, что не пропадут эти труды даром, в противном же случае не могу обещать даже объяснить Вам правильно какой-нибудь интересующий Вас вопрос, ибо всегда мы будем говорить разными языками. <...> Всего же Вам наилучшего.

Павлик

Примечания

1. См. напр.: Листы Сада Мории. Озарение. Ч. II, X, 4.
2. Институт Гималайских исследований «Урусвати» основан Н.К.Рерихом в 1928 г., расположен в долине Кулу, в Гималаях (Индия).
3. В начале 1930-х годов Н.К.Рерих состоял в переписке с проживающими в Эстонии: поэтом А.Раннитом, художником А.Д.Кайгородовым, писателем В.Е.Гущиком, поэтом И.Северяниным, художником и заведующим керамическими мастерскими Школы Императорского Общества Поощрения Художеств Н.Роотом.
4. Вселенские Соборы – съезды высшего духовенства Христианской церкви, первый из которых состоялся в 325 г. н.э. (Никейский Вселенский Собор).
5. «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное» (Матфей, 5:9-10).
6. «Кто может вместить, да вместит» (Матфей, 19:20).
7. Цитата из апокрифического Евангелия, записанного Климентом Александрийским («Строматы», III, XII, 92). См. также: Мережковский Д. Иисус Неизвестный. Т. I. Ч. II, «Утаенная жизнь», XXVI и «Его лицо (в Евангелии)», XXI (Белград, 1932).
8. Великая Мать / Рерих Н.К. Твердыня пламенная. Париж, 1932.
9. Отрывок из стихотворения И.В.Гете «Блаженное томление».
10. Сыронец (ныне Васькнарва) – деревня в Эстонии.
11. Евве – диалектизм, используемый русским населением для обозначения г. Йыхви (Johvi).
12. Ревель – историческое название Таллинна до 1917 г.
13. Еввеское общество – круг знакомых старшей сестры Г.В.Маховой Валентины Васильевны Яласто.
14. «Eesti Slid» («Эстонский шелк») – ткацкая фабрика, на которой в начале 30-х годов XX века работал П.Ф.Беликов.
15. Путь твердый / Рерих Н.К. Держава Света. Southbury, 1931.
16. Беспредельность, 84
17. Листы Сада Мории. Озарение. Ч. II, V, 5.
18. Упанишады (санскр. – «сокровенное знание») – заключительная часть вед, основа многих религиозно-философских систем Индии. См.: Художники жизни / Рерих Н.К. Твердыня пламенная.

19. «Пусть формы его будут даже чудовищны, пусть на задворках из лучинок солнце делают, но кипучий поток пробьется через стены материи». См.: Листы Сада Мории. Озарение. Ч. II, VI, 1.
20. Агни Йога, 122.
21. «Путник, не преграждай путь себе!» См.: Сердце, 160.
22. Листы Сада Мории. Озарение Ч. II, V, 11.
23. Радж-Раджесвари (Радж-Раджешвари) – Великая Владычица, эпитет Дурги, или Лакшми, или любой другой богини, являющейся персонификацией женской энергии божества (шакти).
24. Иоанн, 1:1.
25. «Кто имеет уши слышать, да слышит!» (Матфей, 11:15).
26. Листы Сада Мории. Озарение. Ч. II, III, 19.
27. Община, 43.
28. См: Черта необходимости / Криптограммы Востока. Париж, 1929. С. 29. 3
29. Спиноза / Рерих Н.К. Твердыня пламенная.
30. Юрьев – название г.Тарту в XI-XIII вв. и с 1893 по 1919 гг.
31. Сутра (санскр., букв. – «нить») – в древнеиндийской литературе религиозно-философские тексты, отличающиеся афористичностью, а также свод таких текстов.
32. Маха Бодхи / Рерих Н.К. Твердыня пламенная.
33. Листы Сада Мории. Озарение. Ч. II, V, 5
34. Там же, VIII, 2.
35. Агни Йога, 91.
36. Беспредельность, 193.
37. Крона – денежная единица в Эстонии, равная 100 центам.
38. В 1935 г. П.Ф.Беликов находился в санатории в пригороде Таллинна, где лечил ослабленные работой на ткацкой фабрике легкие.
39. См.: Соппротивление злу / Рерих Н.К. Твердыня пламенная.
40. Огонь претворяющий / Рерих Н.К. Твердыня пламенная.
41. Хождение Христа / Криптограммы Востока. С. 42.
42. В 1935-36 гг. в Абиссинии (неофициальное название Эфиопии) шла итало-эфиопская война, развязанная итальянским диктатором Б. Муссолини.
43. Бальмонт К. Лебедь.
44. Любовь Непобедимая / Рерих Н.К. Держава Света.
45. Матфей, 22:32.
46. См.: Второзаконие, 30:11-14, 19.
47. См. стихотворение Н.Гумилева «Одержимый».
48. Речь идет о картине Н.К.Рериха «Sancta Protectrix» («Мадонна Защитница»)(1933).
49. Русский Литературный Кружок – общественная организация, официально зарегистрированная в Таллинне в 1899 г. В 30-е гг. XX века П.Ф.Беликов принимал активное участие в его работе.
50. Пути Благословения / Рерих Н.К. Пути Благословения. New York, 1924.
51. Пламя / Рерих Н.К. Пути Благословения.
52. «Я есмь Путь и Истина и Жизнь» (Иоанн, 14:6).
53. Ямбург – название г. Кингисепп (Ленинградская обл.) до 1922 г.
54. Гунгербург – название г. Нарва-Йыэсуу (Усть-Нарва) до 1917 г., курорт в Эстонии.
55. Гапсаль – название г. Хаапсалу до 1917 г., курорт в Эстонии.
56. Отец П.Ф.Беликова умер от кровоизлияния, связанного с болезнью органов пищеварения.
57. Агни Йога, 91.
58. Письмо П.Ф.Беликова З.Г.Фосдик от 14 ноября 1968 г.: «...Относительно термина «игниридовые растения» я просмотрел все словари (в том числе ботанический атлас и англо-русские ботанические), но перевода с одного языка на другой нет, вернее, нет даже такого термина в русском языке. Сам корень – латинский (Игни – огонь). Не исключено, что Е.И. ввела этот термин как объединяющее понятие об огненосных растениях, и в эту

группу могут входить растения различных групп общепринятой классификации. В свое время я переписывался с Клизовским (когда он работал над своей книгой и задавал много вопросов Е.И.) и спрашивал от него, какие растения можно отнести к игни-ридовым. Он ответил, что полынь, мяту, валериан, т.е. заключающие в себе огненность. <...> Помимо указанных, к этой группе относятся, конечно, и Гималайские Балю и Мору, возможно, и все семейство рододендро[но]вых, т.к. последние относятся к вересковым, а вереск богат огненностью».

59. Листы Сада Мории. Озарение. Ч.III, IV,8.

60. Дневниковые записи Е.И.Рерих с текстами Учения Живой Этики датируются 1920-1937гг. Первые книги («Листы Сада Мории» и «Община») были изданы в 1924-1927гг., последующие книги, входящие в серию «Знаки Агни Йоги», публиковались в 1929-1937 гг.